

Анастасия Красавчикова

МАМА У ТУРНИКЕТА

*Счастье материнства
на пределе возможностей*

Женская тема (АСТ)

Анастасия Красавчикова

**Мама у турникета.
Счастье материнства на
пределе возможностей**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 159.922.7
ББК 88.8

Красавчикова А. А.

Мама у турникета. Счастье материнства на пределе возможностей
/ А. А. Красавчикова — «Издательство АСТ», 2022 — (Женская
тема (АСТ))

ISBN 978-5-17-152501-9

Родительство принято изображать как важный красивый путь, прекрасную долгую дорогу, размеченную сплошным счастьем и уходящую в перспективу. Безоблачную, разумеется. Никто почему-то не рассказывает, что придется скакать по ухабам, набивая шишки, постоянно упираться в тупик, а однажды можно и вовсе обнаружить себя в кювете. И развлечения в дороге странные: то девочкой безмозглой играй, то палку в зад резинового орлу запихивай. Никто не рассказывает. А я расскажу. Спускайтесь, короче, сейчас заеду.

УДК 159.922.7
ББК 88.8

ISBN 978-5-17-152501-9

© Красавчикова А. А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Об авторе	6
О книге	7
Глава 1	8
Хоть наизнанку вывернись	8
Семь лет в декрете	10
Тот еще тип	12
Беспорядочные связи	14
Сплошное свинство	16
С утками напролет	18
Сказка сказывается	19
Ораторское искусство	21
Контрольная работа	24
Глава 2	26
Все, закругляемся	26
Сила родов	29
Сомнительное удовольствие	29
Песни и пляски	31
Давай колись	32
Жили не тужили	34
Приняла на грудь	38
Повторение пройденного	40
Про семки, фею и дедов юбилей	40
Про врача, акушерку и распрекрасный роддом	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анастасия Красавчикова

Мама у турникета

© Красавчикова А., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Об авторе

Меня зовут Настя, фамилия Красавчикова. Это я не придумала, это из-за мужа всё. Родилась в Бангладеш. Это я тоже не придумала, если б придумала, был бы, скажем, Париж.

По образованию экономист, но в душе законченный гуманитарий, поэтому заперла следующий пункт про возраст. Февраль 86-го – это сколько получается? Короче, где-то семнадцать с небольшой погрешностью.

До сдекречивания была редактором журнала Cosmopolitan, но график так же не совместился с двойным материнством, как памперсы с гляncем, поэтому самоустранилась. Иногда, однако, посещают фантомные авторско-редакторские боли – и тогда я что-нибудь пишу. Предусмотрительно родила себе два неиссякаемых информационных повода, Тёма и Алиса называются, которые хочешь – интригу подкинут, хочешь – расследование, а лучше всего скандал.

Книгу вот написала. Она – мой первенец, так что в каком-то смысле вы только что приняли роды и теперь заботливо держите ее на ручках. А я, смахнув увесистую слезу счастья, могу наконец приложить ее к груди.

...Простите – забываясь, иногда перехожу на материнский.

Чего хотела сказать-то. Очень рада нашему знакомству!

Ой и да, со мной на «ты». Мне ж семнадцать всего. С небольшой погрешностью.

О книге

Когда-то давно, как только я начала работать в журнале, друзья тут же причислили меня к лику Кэрри Брэдшоу и констатировали, что теперь мне непременно нужен мужчина мечты, три подружки, ноутбук с яблочком и собственная колонка. Гардеробную с туфлями еще и пить коктейли из красивых бокалов.

Мужчина мечты у меня к тому времени уже имелся, ноутбук, без яблочка, правда, но всё равно любимый – тоже. Остальное приложилось позже и несколько в иной интерпретации: вместо трех подружек появилось двое детей, вместо колонки об отношениях в журнале – посты о материнстве в Инстаграм, вместо гардеробной с туфлями от Маноло Бланик – галошница с кедами от Кого Попало, вместо коктейлей сначала был кефир, потому что ГВ, а теперь вино, потому что нервы. Так что можно считать, что я вся – несколько иная интерпретация Кэрри Брэдшоу с Манхэттена. Клара Брашопова из Зябликово, рашн эдишн.

Продолжая тянуть мою усталую параллель с успешной параллелью героини культового сериала, друзья и муж (а теперь еще и целых четыре тысячи тридцать шесть подписчиков) стали требовать с меня книгу. Мол, вон эта-то колонка свои в стопочку собрала и издалась, а у тебя постов на трехтомник уже накопилось, надевай давай пиджак на босо тело, туфельки с ленточками и шуруй на обложку фоткаться.

Постов и правда накопилось много – блог стал своеобразным дневником моего материнства с самого его начала, моим личным психотерапевтом, я туда приходила, чтоб вместе порадоваться, когда было очень хорошо, и влезть кому-нибудь на ручки, когда было очень плохо. Плюс, в черновиках томилось много недописанного и неопубликованного, через краешки уже вываливаться начало.

Однако перед тем как капитулировать и самой поверить, что я способна на книгу, годами отчаянно сопротивлялась, отбиваясь от всех своим внутренним самозванцем:

– Да перестаньте, о чем полезном я могу поведать миру?! Я же абсолютно ограниченный материнством человек!

– Как раз о материнстве и поведай. О детях, о своих буднях.

– Так это ж будет... ни о чем!

– О своем ни о чем и пиши, у тебя хорошо получается.

Поэтому вот.

Это будет книга ни о чем.

Ни о чем и о самом главном.

Глава 1

Хоть наизнанку вывернись

Скажите, на вас часто смотрят как на идиота? На меня последнее время – да. Последние лет семь. Потому что сколько умное лицо ни строй, вопрос: «Простите, а у вас есть вывернушка?» всё равно не оставляет никаких шансов.

У нас имеется некая жмотско-вымогательская традиция: каждую пятницу дарить Тёмке подарок за то, что он неделю без скандалов отходил в сад. Вымогательская – потому что каждую пятницу. Жмотская – потому что мы туда, в красивый пакетик, складываем всё, что нормальные родители детям покупают просто так. Однажды сестра моя зашла, Тёма ей навстречу вылетает, счастливый такой, и радостно вопит: «Ира-а-а! Смотри-и-и, что мне мама с папой

подарили-и-и! Зубную па-а-асту-у-у!» Сестра сначала с состраданием посмотрела на Тёму, потом с недоумением на меня: «Да... – говорит, – строго у вас...»

Иногда, впрочем, могу расщедриться на какую-нибудь недорогую фиговину из рекламы, о которой Тёма «о-о-о, всю жизнь мечтал!», хоть и видит первый раз. Именно по этой схеме в пятничный подарок однажды мне была заказана вывернушка.

Сейчас отключите на минуту воображение, я поясню, что это, со слов Тёмы. «Это такая зверушка, которую наизнанку выворачиваешь – и получается другая. Ну например, есть у тебя котик. Ты его наизнанку выворачиваешь – и получается бегемот». Всё, включайте. Я вот воображение не выключила, и оно очень живо нарисовало мне процесс выворачивания котика наизнанку так, чтоб из него получился бегемот. Но я вопрос изучила, – всё оказалось не так страшно и не через то место, как я себе представила, да и стоила эта живодерская забава вполне приемлемо – рублей двести, что ли. Посему в конце первой рабочей недели после новогодних праздников я заявила в «Детский мир» с уверенным вопросом: «Простите, у вас есть вывернушка?» А продавщица, судя по припухлости лица, не до конца еще от вывернушки после-новогодней оправилась. Прохлопавшись глазами, она посмотрела на меня, вот как раз как на идиота, и спросила: «Че-е-ево-о-о?» – «Вывернушка», – повторила я таким тоном типа «Чеб-лин, правда не знаешь, что ли?!» Но вижу – правда не знает. «Ну это такая зверушка, которую наизнанку выворачиваешь и...» – «Нет! – прервала меня чуть позеленевшая продавец с очевидно хорошим воображением. – Такого нам еще не привозили...» И чуть слышно добавила: «Надеюсь, и не привезут».

А однажды я искала дедушку Асбера – старательно запомнила, что что-то про дедушку и Сбер. Все человечьи фигурки в магазине перерыла и, пока рыла, всё думала, на хрена нам игрушечный дед. А оказалось, это оранжевый самолет. «Альберт, а не Сбер», – пояснила продавец, глядя на меня как на идиота.

Еще я как-то пришла за поездом из мультика. Точно знала, как он выглядит, и мультик смотрела, но когда в магазин зашла, название из головы вылетело напрочь. Прошарила глазами все полки – нет нужного. Тут как раз подросла продавец. «Что-то конкретное, – спрашивает, – ищите?» – «Да, – говорю, – паровозик из мультика... даже не знаю, как объяснить...» Дальше я долго думала, а продавец терпеливо ждала. «Ну такой... ну у него еще лицо такое... суицидально-депрессивное». Не, ну я правда не знала, как еще объяснить. «А! Томас и друзья! Пойдемте!» И вот тут я не поняла: то ли я была не первая, кому понадобился суицидально настроенный паровозик, то ли встретились два идиота.

А недавно я искала киоск. Не игрушечный, всамделишный киоск в масштабе 1:1 с настоящей тетенькой внутри, потому что ребенок грезил какой-то липкой хренью из рекламы, а в рекламе сказали: «Ищите в киосках за 129 рублей». А где искать киоски, в которых искать липкую хрень за 129 рублей, не сказали. А их меж тем, оказывается, носили все. Один киоск мы всё же случайно нашли – Алиса очень кстати впилилась в него на самокате. Не обманули, и правда 129 рублей. Купили, подарили, Тёма был счастлив. Прибегает: «Мам! – кричит – Мам! Подставь руки!» А я ж доверчивая, я подставила. И вот даже не знаю, ЧТО посоветовать вам отключить на этот раз. Потому что то, что он вывалил мне в руки, вот это вот желто-зеленое, как будто кто-то очень добросовестный неделю собирал мокроту на анализ в красивую баночку и заработал на этом 129 рублей... Короче, тут уже со мной чуть не случилась вывернушка, и я еле сдержалась, чтобы не сделать еще одну липкую хрень прямо на полу в коридоре. Бесплатно.

Семь лет в декрете

Семь лет.

Прикиньте.

Семь лет я в отпуске.

В отпуске!

Британские ученые не тем, конечно, заняты – им бы найти того, кто изобрел словосочетание «декретный отпуск» и научно обосновать, что он debil.

За это время я успела два раза родить, набрать в общей сложности 38 кг (то есть еще чуть-чуть, и я бы наела еще одну себя), два раза походить с эффектной грудью (мне, кстати, к лицу), и два раза сходить на маникюр. Нет, вру – на маникюр один.

Я сделала много открытий: что микродетальки лего необязательно покрывать собственной эмалью, отцепляя их друг от друга зубами, – есть специальная штука; что Коржик, Карамелька и Компот – это кошачьи дети, а не поесть и запить; что «Кинетический песок – песочница у вас дома» – это не слоган, это предостережение.

Я стала мудрее: подписываю формочки для песочницы, потому что их тырят, и не покупаю детям кроссовки с рифленой подошвой, потому что собачье г-но из нее можно выковырять только зубочисткой.

Я знаю, как устроен чайник, потому что смотрю «Фиксиков», и что не так уж страшны песни Бузовой, потому что слышала «Синий трактор». Знаю, как делать зайца из втулки от туалетной бумаги, снеговика из носка и морду кирпичом, когда в саду опять для чего-нибудь нужны родители-активисты. Знаю, как сожрать конфету при детях, чтоб они не заметили.

Но самое главное знание за последние пару лет, да что там – за всю мою сознательную жизнь, снизошло на меня буквально несколько дней назад благодаря Тёме.

– Мам, – говорит, – я «Киндер» перед ужином есть не буду, дай мне желток только.

– Какой желток?

– Ну желток, с игрушкой внутри.

Я прям вот так, держась, простите, за яйцо, впала в кратковременную кому.

Желток.

Эта капсула, контейнер, желтая штука – это желток. Желто-о-ок! Я будто в забвении была все свои тридцать с лишним лет, а тут мне открылась Истина. Это желток, блин! Желток, понимаете?! Потому что «Киндер» – яйцо! Пугающе логично, очевидно и неожиданно. Ка-а-ак я не додумалась до этого раньше? Чем был занят мой ум все эти годы?!

На самом деле непонятно, почему нас заранее всему этому не учат. Ну или хотя бы не предупреждают. Не про желток, а вообще. Почему есть институт культуры, международных отношений, строительный – и везде всё серьезно: с зачетами, сессиями и «корочками», а институт семьи – это что-то абстрактное, сюда нельзя прийти и хотя бы в теории прослушать о том, что тебе предстоит. *Как строить семью, налаживать отношения и остаться при этом культурным человеком – этому же не научат ни в строительном, ни в культурном, ни в МГИМО.* Да, сейчас полно курсов, где рассказывают, как правильно дышать в родах и как подгузник надеть. А что дальше делать со всем, что ты надышал и со знанием дела теперь можешь запихнуть в памперс, не рассказывают. Нет, это, конечно, тоже очень нужно уметь, но фокус всё равно не на том, потому что рожаете в муках ты в среднем сутки, а воспитываешь в целом всю жизнь. Тоже периодически в муках.

А ведь правда, полноценный же институт мог бы получиться, со своими кафедрами и факультетами, выпускал бы подготовленных (хотя бы морально) специалистов в сфере управления всем этим семейным предприятием.

Там, например, обязательно была бы кафедра антикризисного менеджмента – потому что столько кризисов, сколько ждет в материнстве, ни один СССР не видел, а разруливать всё это придется самим.

Биофак с элементами психиатрии – потому что первые полгода предстоит пристально разглядывать какашки, и нужно точно понимать, всё ли в порядке у ребенка со стулом, а у тебя с головой.

Философский факультет: первые пару лет вы будете непрестанно задаваться фундаментальными вопросами «Что делать?», «Как быть?» и в целом размышлять о своем теперешнем бытии, а году примерно к третьему научитесь философски ко всему относиться и поменьше рефлексировать.

Факультет анализа данных – потому что как только перейдете к практике, вам предстоит вечно что-то анализировать: а достаточно ли хорошая я мать, а всё ли я делаю правильно, не слишком ли холодно/жарко/горячо/солено/сладко/а может, бабушка все-таки права?

Специалист по связям с общественностью – потому что когда ты родил, а все друзья еще нет, надо быть настоящим специалистом, чтобы удержать с общественностью хоть какие-то связи.

Стратегический менеджмент еще строго обязательным предметом. Придумывать стратегии, управлять, подстраиваться, манипулировать, договариваться, уговаривать, искать компромиссы – прожиточный минимум для родителя. Не выжить без этого в родительстве то есть.

Военную кафедру еще надо, пограничников воспитывать – вам предстоит отвоевывать личные границы, и хорошо бы научиться этому заранее.

Ну и курсы сомелье, факультативно. Пригодится.

А может, как часто бывает, пока учишься, поймешь, что это вообще не твое. Послушаешь лекции плотно практикующей матери-доцента про колики, зубы и какую-нибудь, скажем, лактазную недостаточность в качестве задачки со звездочкой – и сольешься на первой же сессии. Подумаешь: ну на фиг весь этот родительский хардкор, мне б че попроще, пойду вон лучше в рудокопы.

Самые отчаянные, однако ж, а еще те, кому помогали будущие бабушки и дедушки, вкладываясь всем своим «Ну когда уже внуки?», доучатся и выпустятся по общему направлению «родитель». А дальше уже будут более узко специализироваться по ситуации.

Тот еще тип

Пока моя идея с институтом прошла лишь первое чтение (вами вот только что), молодые родители выкручиваются как могут и выбирают себе специализацию на ощупь. Как следствие, сейчас появилось столько модных веяний: ну, знаете, мама, которая не парится, мама-путешественник, мама на ПП. Почетнее всего, по моим наблюдениям, быть пофигистом, и многие мамы усердно убеждают окружающих и себя, что она – это именно он. Пофигист в смысле. «Ой, да мне вообще по барабану – хочет – ест, не хочет – не ест! А? Что? Зачем сальто перед ним делаю с ложкой в руках, приговаривая: „Смотри-и-и, ту-ту-у-у, едет паровозик, открывай скорее ро-о-отик“? Так это хобби у меня такое». «Что, в луже сидит? Ой, да пусть сидит, я не парюсь вообще, ребенок рад, ко мне не лезет и ладно». И сидит такой ребенок в луже, рад, не лезет, в гидрокостюме с подогревом и воском предварительно натертый – и ладно. Я вот тоже стараюсь следовать тенденциям и быть мамой-пофигистом. Но нет-нет да сальто с ложкой каши крутану.

Из менее модного – у нас во дворе, например, есть мама-реанимобиль. Вой ее сирены слышен издалека, и ты сразу к обочинке жмешься, чтобы она скорее мимо проехала и умчалась вдаль. У нее трое детей – старшей лет пять, следующему года три и один в коляске еще. Она постоянно истошно на них орет, а с земли может поднять не уговорами, а тупо за косу. Средний одно время очень отчетливо в песочнице говорил «б*ять», когда не получался куличик. Мама тут же подхватывала: «Пять, правильно, пять!» И поясняла в воздух: «У нас просто номер дома пять, ему цифра нравится», а не то что всем послышалось. Когда я еще была просто яжмать, а Тёма – пупсиком, который безропотно ковырял лопаткой песочек, каждый раз мысленно лишала ее родительских прав. И, как и положено любой уважающей себя яжматери с высокими моральными принципами и точными представлениями о том, как надо, с презрением на нее смотрела и думала: «Боже, какой ужас».

А потом я еще раз родила.

Тёма к тому времени резко перестал быть пупсиком, добавилась младшая, которая пупсиком быть никогда не умела, и я узнала, что у этой аморальной дети не ходят в сад, помощников нет, а муж работает вахтовым методом. «Боже, какой ужас», – каждый раз, глядя на нее, продолжала думать я, только теперь с чувством глубочайшего сострадания. И с тех пор отчетливо слышала «пять», когда не получался куличик.

Еще у нас есть бабушка-туданелезь.

Она гуляет с внучкой Варей (хотя это скорее праправнучка как минимум), ей лет девяносто, она размером с кулачок – маленькая, сухонькая, и у нее вместе со вставной челюстью с очень красивыми зубами куда-то явно вставлен рупор. Потому что не может генерировать такой мощный звук девяностолетняя бабушка с кулачок. Всё гуляние, от и до, у них проходит под вопли «Варя, туда не лезь!», «Варя, не стой на ступеньках – упадешь!», «Варя, вылезай из трубы (деревянной, чтоб лазить) – там сквозняк!», «Варя, слезь с карусели – вырвет!», «Варя, отойди от качелей – убьет!» И Варя потыркается-потыркается, потом просто в безысходности останавливается посреди детской площадки с мягким покрытием, максимально далеко от всех источников опасности, раскидывает в стороны руки, запрокидывает голову и устремляет обреченный взгляд ввысь, всей своей позой невербально крича: «Господи, как же всё за*рахало!» Но тут же в рупор сообщают: «ВАРЯ! А НУ ОТОЙДИ ОТТУДА ЩАС ЖЕ! САМОКАТОМ СШИБЕТ!»

А на дальней площадке есть мама-дзен. У нее, как и у первой, тоже трое детей в анамнезе, только там прям фулл-хаус: погодки и двойня. Ну то есть погодки, только вместо одного

младшего – сразу два. А старшему на вид не больше трех – трех с половиной. И она просто непрошибаема, мастер Шифу из «Кунг-фу панды», постигший внутренний покой, только мать. Я однажды наблюдала, как она выдала всем по кефиру, велела сесть на лавку, попить и потом идти играть. Они все сели и стали пить. Старший не задирает младших, как бы невзначай сообщая, что его кефир вкуснее и что мама ему первому дала, младшие в ответ не визжали и не драли ему волосы с криками: «Н-е-ет! Мне-е-е!» Они просто пили кефир. Выпили и пошли играть. А мама осталась сидеть на лавочке и болтать по телефону. Она, как и всё неизведанное, меня немножко пугает. Но я каждый раз восхищаюсь, преклоняюсь и очень хочу подойти спросить, на чем она сидит помимо лавочки. Потому что мне тоже надо. И маме-реанимобиллю отсыплю.

Беспорядочные связи

Во мне уживаются все эти мамские субличности по чуть-чуть (дзен вот только почему-то организм отторгает), но я, как уже говорила, стараюсь быть в тренде и изо всех сил культивирую в себе модно-ленивую мать. На днях вот схалтурила и решила не идти с детьми гулять – погода была не ахти, ну и что-то лень. Подумала, лучше дома посидим, квартиру хоть наконец в порядок приведу. И ведь знаю же, зна-а-аю, что с учетом наличия двух разрушительных сил, которые я сама же когда-то породила, «дома посидим» и «квартиру в порядок» в одном предложении – это, мать ее, антитеза, прямое противопоставление.

Сначала Алиса носилась за Тёмой с задранной над головой венником и вопила, как подстреленный индеец. Тёма кричал: «Не догонишь, не догонишь!», всё больше раздраживая ее, она вопила еще громче. Спустя минуту из комнаты вопил уже Тёма, так что, похоже, она его всё-таки догнала.

Потом он бросил в нее бумерангом, но законы Вселенной никто не отменял, поэтому ему это тут же бумерангом и вернулось. Мамонтом, если быть точнее, из его же любимого набора легиона, прямехонько в лобешник.

Потом я прыгала со шваброй, пытаюсь отодрать от потолка курицу. Не настоящую, слава богу, ну знаете, такая стрелялка: башку на палец нанизываешь, за задницу оттягиваешь – и па-а-ау! (Боже, какое счастье, что я инструкции к игрушкам не пишу!) У нас вообще на потолке по жирным отпечаткам можно эволюцию этих липких тварей проследить – от чего-то бесформенного через силуэты рептилий и вот до птиц. Отодрала, Тёма взмолился, чтоб вернула. Я снизошла, но предупредила: еще раз – и я сделаю с ним всё то же самое, что он делает с курицей, чтобы она «па-а-ау».

Потом они надували шарики насосом, визжали и смеялись, пес оглушительно лаял в экстазе, тоже срываясь на визг, и эти шарики с грохотом лопал. Потом шариковая канонада прекратилась, а пес залаял как-то подозрительно глухо. Я пошла проверить, не напихали ли они чего-нибудь в пса. Оказалось, нет, зато они запихали пса в шкаф. Покрывала с кровати посидрала и ему заботливо постелили. А чтобы псу в его собачьем люксе ничего не мешало, предварительно организовали там пространство в стиле минимализма. Выгребли из шкафа на пол все шмотки то есть, все коробочки и подвесные икеевские полки.

Потом я возвращалась на кухню, и мне на плечо с потолка шлепнулась эта долбаная липкая курица. Я взвизгнула и с испугу случайно добавила детям в словарь еще пару запрещенных словечек. Зато теперь, если на них когда-нибудь с потолка упадет курица, они точно будут знать, как охарактеризовать эту непростую жизненную ситуацию. Так что, считаю, я полезная мать.

Потом возбужденный пес вылез из шкафа и то ли от радости, то ли в знак протеста нас*ал на пол. А где нас*ал? Правильно, на кухне, прямо у меня под ногами, потому что к тому времени свободного места на полу нигде в квартире больше не осталось.

...Поскольку детские психологи в своих книгах не рассказывали, что делать в подобных ситуациях, я действовала проверенным авторским способом: раздала всем люлей, очень экспрессивно велела пойти заняться чем-нибудь полезным наконец.

И они ушли. Затаились на кухне на десять блаженных минут. Хотела уж идти смотреть, чего они там перешептываются, но стояла такая прекрасная относительная тишина – я просто не могла собственноручно ее рушить.

Потом они вернулись и сказали: «Закрой глаза, у нас для тебя сюрприз». А я вот очень не люблю слово «сюрприз» после десяти минут тишины.

Я закрыла.

Зажмурилась.

Нет, я съежилась лицом.

Меня за руку проводили на кухню, и им раз пять пришлось повторить: «Всё, открывай!» Потому что я очень не хотела. Открывать.

Но всё оказалось не так страшно: они приготовили мне свежавыжатый апельсиновый сок. Чудесные дети. В мерный стаканчик было выдавлено ровно 30 мл сока. Из трех, мать их, огромных апельсинов, которые я собиралась есть неделю! Впрочем, остальные пол-литра при желании можно было слизать со стола, пола и даже немножко высосать из тюля.

Короче, урок дня таков: если поленишься и не вывести детей из дома, дети не поленятся и выведут тебя из себя.

Сплошное свинство

Вообще я из тех непутевых мамаш, которые во имя спасения себя без зазрения совести втыкают детей в мультики. На светлой стороне – ну вот где «никаких гаджетов, буду сама играть, развивать и заниматься» – я тоже была. А потом, как в той шутке, я родила. В первые пару лет после рождения старшего интенсивно прошла все стадии принятия от «никогда не включу ребенку мультики» до «боже, храни фиксиков». «Фиксики», кстати, неслучайно первыми на ум пришли, до чего ж классные. Помню, как Тёма зашел на кухню после первой же просмотренной серии и с ходу в деталях выдал устройство и принцип работы электрического чайника. Я макала чайный пакетик в кипяток, только что этим чайником произведенный, смотрела на своего четырехлетнего ребенка изумленным лицом гуманитария и, издавая что-то невнятное вроде «мм... ммм... угу», задумчиво кивала.

А вот со «Свинкой Пеппой» отношения у меня долго не складывались – искренне не понимала, как это может кому-то нравиться. От нее всегда было ощущение, что автор хотел сначала сделать мультик про фен, а потом решил: «Не, про фен неприкольно, про свиней будет круче». А фен-то нарисован уже, не переделывать же. Покрасил в розовый, наклеил глаза – и ок. И еще эта констатация всего, что показывают на экране, меня просто с ума сводила. Вот в кадре светит солнышко, Джордж на поляне играет с динозавром. И тут голос за кадром: «Светит солнышко. Джордж на поляне играет с динозавром». Спасибо, блин, а то ж мы думали, чо происходит? В общем, у меня в сознании «Свинка Пеппа» была мультиком про семью розовых фенов для тупых детей, и мне не сильно нравился тот факт, что он сильно нравится моему ребенку.

Но однажды я вынужденно посмотрела-таки одну серию от и до. Включила с целью деактивации Тёмы – надо было когда-то погладить белье, гроздьями свисающее со всех поверхностей в доме. Ну и пока одной рукой гладила (второй держа гладилку, чтобы она не пришибла ползающую тогда еще Алиску, и правой ногой подшвыривая игрушки, чтобы хоть на пять минут чем-то занять дочь), смотрела.

Что хочу сказать. Это гениальнейший, умнейший из всех мультфильмов! Ужасно неправдоподобный, но такой прекрасный! Его надо как пособие невзначай подкидывать папам и белым шумом постоянно шептать: «Папа Свин молодец, будь как Папа Свин». Серия, значит, была про день рождения Мама Свинки. Готова спорить, что автор сценария – женщина, и она мать двоих детей как минимум. Итак, начинается день рождения у Мама Свинки с того, что Папа Свин приносит ей завтрак в постель. Дети нарисовали открытку и туда же, в постель, ее тоже принесли. Кроме того, дети и папа приготовили маме торт, пока она спала. Еще раз. Приготовили. Маме. Торт... ПОКА. ОНА. СПАЛА! Далее мама, неспешно откушав завтрак, спустилась на кухню, откуда ее буквально силой выпихнули в гостиную, усадили на диван, всучили журнал, включили музыку и велели отдыхать – день рождения ж.

А дальше пошли подарки. Я, вот честно, вазякала туда-сюда утюгом по пододеяльнику и завидовала-завидовала-завидовала этой свинье. Сначала ей вручили платье. То есть Папа Свин заранее озадачился, напрягся съездить выбрать и купить. Еще и с цветом продумал – розовое подарил, чтоб с лицом гармонировало. Потом маме вручили два билета в театр, чтобы она с Папой Свином могла куда-то сходить в своем новом, только что подаренном платье. А, еще ж к ним пришли Дедушка Свин и Бабушка Свинка, чтобы посидеть с детьми, чтобы Мама Свинка могла куда-то сходить по только что подаренным билетам в только что подаренном платье. АААААААААА! В этом месте я поняла, что почти всё белье уже досрочно перегладила на нервах. Казалось бы, папа по природе своей, генетически, свинья, но даже он понимает, о чем робко мечтает мать двоих малолетних детей в свой день рождения. И голос закадрового кон-

стататора, кстати, уже совершенно не раздражал – напротив, помогал воспринимать видеоряд, как бы подтверждавал все то, чему отказывались верить глаза.

Я уже не завидовала. Я стояла, держа на одной руке Алиску, которая с восторженными воплями драла мои волосы и вгрызалась мне в плечо, второй доглаживая последнюю наволочку, и чуть не плакала от радости за Маму Свинку. От счастья, что Мама Свинка сегодня, в свой день рождения, накрасится, причешется, наденет новое платье и куда-то свалит на несколько часов, что она сегодня не Свинка, а светская, мать ее, львица, что она идет в театр и не будет нестись с языком на плече обратно, потому что кому-то спать, кому-то есть, кому-то надо вещи для прогулки найти и в кучку сложить, кого-то купать – это сегодня не ее заботы. И я, знаете, на таком эмоциональном подъеме отодрала Алиску от плеча, размотала с ее пальцев клоч своих волос и, сунув ее в манеж, пошла красить глаза и искать чистые штаны – решила, что пол я сегодня буду мыть красивая.

С днем рождения, Мама Свинка, с днем рождения, дорогая! Оторвись там за всех нас! И да, мужикам надо всё-таки чаще вести себя по-свински. Главное – в качестве примера выбрать правильную свинью.

С утками напролет

Кстати, с возрастом, особенно после того как я сматеринилась, стало сложнее смотреть мультики в принципе. Во всяком случае, с целью расслабиться и хорошо провести время. Я постоянно что-то анализирую и терзаюсь такими вопросами, которые вряд ли пришли бы мне на ум, когда он еще не был изъеден материнством.

Вот «Утиные истории». Один из любимейших мультиков моего детства, я все серии, наверное, посмотрела и половину из них пересказать могла близко к тексту. Самая большая проблема для меня в то время – запомнить, кто из утят Билли, кто Вилли, а кто Дилли. Решила, что в общем-то без разницы, ну и всё, смирилась и наслаждалась.

А сейчас. Почему Билли, Вилли и Дилли живут с дядей? Кто их родители? И где они? Я первый раз в жизни озадачилась. Пошла с этим вопросом к мужу, и он мне просто глаза открыл: это, оказывается, дети Дональда Дака! Вы знали? У меня мир перевернулся. Но, по крайней мере, теперь хоть логика ясна: конечно, детям лучше жить с богатым дядей, чем с умственно отсталым папашей. Ок. А где (и кто) мать? У Дональда Дака была женщина? Ну в смысле утка? Ну в смысле женщина-утка? Кто, кто родил ему тройню?! Или как там у уток... Отложил? Снес?

А Поночка... Поночка не их сестра! Она внучка тетюшки Ключвдии! Опять вопрос: где родители и почему ребенок вынужден таскаться с бабушкой на работу? И почему муж всё это знал, а я нет?!

Муж, кстати, был пугающе невозмутим. Не отрываясь от компьютера, рассудительно ответил: «Ну они ж с Билли-Вилли-Дилли одного возраста, те же игры, общие интересы, вот и ходит». Он вообще, кажется, все секреты счастливой семейной жизни постиг уже. Например, если твоя нормальная на первый взгляд жена вдруг пришла озадаченная и спрашивает о судьбе отца трех утиных детей, отвечай вдумчиво, а не задавай глупых вопросов в стиле «тебе это зачем?». А еще я вспомнила, что всё детство была влюблена в Чипа из «Чип и Дейл спешат на помощь». Но в жизни влюбилась, замуж вышла и детей родила скорее от Дейла. Чип еще на первом году совместной жизни сказал бы своим скрипучим голосочком: «Дерррржу паррри, что ты чокнутая!» – и умотал куда-нибудь под предлогом спасения мира. А этот сидит в своей нелепой рубашечке и ржет – то со мной, то надо мной. Повезло, считаю.

Сказка сказывается

Чтоб вы мне тут не думали, сказки детям я тоже читаю. Ну как читаю – читала когда-то, а потом открыла для себя удивительный мир аудиосказок. Тыкаешь кнопку, сливаешься незаметно на кухню чаю в одиночестве испить и сидишь там, гордая собой, что ребенок не в телике торчит, а внемлет народной мудрости.

Среди прочих зарядила им как-то по заявкам «Мальчика-с-пальчика» и по традиции под шумок, издаваемый голосом русско-народного рассказчика, уткнула из комнаты. Следующим же вечером меня настигло возмездие: старший перед сном пришел ко мне на кухню и пересказал «С-пальчика», с выражением, близко к тексту. И вот знаете, лучше б я им «Венома» на ночь включала, ей-богу. Короче, у меня психологическая травма, и мне надо об этом поговорить.

Раньше, когда дети спрашивали: «Мам, а почему мальчика С-пальчиком называли?», я отвечала: «Ну потому, что ростом очень маленький был, образно типа».

Так вот это ни фиги не образно.

Это реально человек-палец. Отрубленный, блин, бабкин палец – она капусту стругала – и хренак! ...Я, я же совершенно точно в детстве тоже слушала эту же сказку про С-пальчика. Но потом, видимо, пришел какой-то добрый мэйн блэк, щелкнул штучкой специальной, я обнулилась и выросла нормальным человеком.

Я сейчас перескажу вам вкратце – хочу, чтоб вы тоже страдали.

Так, ну еще раз сначала: бабка стругала капусту, отрубила себе палец, замотала его в тряпку, на лавку положила, размотала, а там – ба-а-а! – сыночек. Первая встреча мамы с малышом – как тебе такое, Квентин Тарантино? Потом он пошел отцу в поле помогать. Влез лошади в ухо (!) и, значит, оттуда ею манипулируя, всё перепачкал. Мимо проезжал барин. «А продай мне сына», – говорит. Отец, конечно, был непоколебим: «Нет!» А барин такой: «Ну прода-а-ай». А отец такой: «Ну ок», – и толкнул ребенка за 100 рублей аж. Ну действительно, чего ломаться-то, у бабки девять пальцев осталось, ещё детей нарубим.

Потом мальчик прогрыз дыру в бариновом кармане (хотя в его случае логичнее было б проковырять), убежал – и его сожрал волк.

Конец? Конец же, да? Мысленно умоляла я, уже несколько минут стоя с открытым ртом, широко распахнутыми глазами и намыленной тарелкой в руках.

Нет.

Мальчик остался цел, заселился вместе с бактериями у волка в кишечной микрофлоре. Ну а чего ему будет? Он же по натуре своей отрубленный палец, а вот волк обрек себя на долгую мучительную смерть. Теперь только подкрадется к овце, пасть откроет – палец из волка начинает истошно орать (Квентин, ты читаешь?), будит пастуха, волк огребаёт дубиной и немножко жретя собаками. Понимаете, вообще, степень безысходности? Даже если волку схлопнуть пасть и научиться ловить овец руками, всё равно остается еще до фиги отверстий, которые напрочь лишают его звуконепроницаемости. Тут, конечно, мораль вырисовывается, что нефиг всякую дрянь с пола подбирать – поучительная сказка-хоррор для волчьих детей. Но сказка, напомню, для человечьих.

Ну и, короче, волк взмолился: «Вылезай из меня», – говорит. Тут я сначала вспомнила шутку, что если тебя сожрали, то у тебя есть как минимум два выхода. А следом – сцену из «Эйс Вентура», когда герой Джима Керри из носорога вылезал. Сидела всё с той же намыленной тарелкой в руках, нервно раскачиваясь на стуле, и мысленно повторяла волку: «Нет, молчи, умоляю, молчи!»

«Вылезай из меня», – говорит. Мальчик такой: «Ок, только отвези меня к маме с папой» (конечно, а то ж отец тебя давно не продавал). Волк отвез, домой прям добросовестно,

мальчик выскочил из его брюха – через парадный ли вход или через задний выход, слава богу, не уточнялось.

А дальше цитирую первоисточник: «Тут волка и порешили. Сняли шкуру да сынку тулуп сделали».

Хеппи-энд, б%ть.

Вы понимаете вообще, насколько мы сильное поколение? Сейчас же как: прикрикнул на ребенка – к психологу его скорее, выковыривать из души эту занозу, залечивать эту кровоточащую рану. Аллё, блин! Мы всё детство перед сном слушали про бабкин отрубленный палец, торговлю детьми и волчью расчлененку!

К концу сказки я забыла, что умею моргать. Очнулась, когда ребенок толкнул меня в плечо: «Да чё ты, прикольная сказка», – и как ни в чем не бывало пошел зубы чистить. Не знаю, короче, как у детей там всё это работает, но я уснула с четким образом кровавого бабкиного пальца, торчащего из уха лошади.

Ораторское искусство

А скажите, вы орете на детей? Хотя нет, подождите, с прелюдии начну.

Как-то я встретила знакомую: она не спеша шла с работы мимо детской площадки, чтобы забрать свою полуторагодовалую дочку, которая тут выгуливалась бабушкой. И пока бабушка ювелирно вытряхивала из формочки седьмой куличик кряду, знакомая решила постоять немного со мной поболтать. Ну как постоять: я носилась за своими по площадке и бессвязными обрывками фраз что-то ей отвечала, а она курсировала за мной. И что-то тема зашла про воспитание детей, то-се. Она, так ни разу и не взглянув на дочку, бабушку и уже девятый кулич, беспечно размахивала из стороны в сторону красной лакированной сумочкой под цвет маникюра и возмущалась, закатывая глаза: «Не понимаю вообще, что такого должен сделать ребенок, чтоб на него орать». А я в тот момент, зажав между ног извивающуюся младшую, потому что ей очень надо было под качели, третий раз подряд снимала с дерева старшего, ловила лицом шматки грязи с его ботинок и не понимала, бессмертная она, что ли, такое под руку мне говорить. В общем, если у вас есть красная лакированная сумочка или хотя бы работа – молчите, я верю, что вы не орете на детей.

Меня интересуют те, кто завис где-то в толще декрета (в идеале не первого и подряд) без малейшей возможности всплыть за глотком воздуха, гребет ногами-руками из последних сил, а его еще возрастным ребенкиным кризисом второй год к ряду – на! на! на! – глушат по башке.

Короче: я ору.

Потому что достало, потому что по-другому не понимают и тому подобные оправдания. Но я над собой работаю. Настолько отчаянно и безуспешно, что когда-то даже провела типа Costo-эксперимента, только не про романтических парней, которые сводят с ума девушек, а про одного своенравного, который сводит с ума мать. Редакционное задание себе дала, правила придумала, сроки обозначила.

Эксперимент планировался длиной в неделю. Я заранее беспощадно лишила себя шоколада и решила, что он будет поощрением в моей дрессировке: не наорал – молодец – получи вкусняшку. Неделю нельзя орать вообще: повысил голос, срок обнуляется – и всё заново (я жестила, да). Это отягощалось еще невозможностью испить винишка в особо сложные моменты, потому что ГВ.

И такой запал у меня был, и так классно я всё придумала. Думаю, всего неделя – и прощай, кризис, здравствуй, идеальный ребенок, адекватная мать, идиллия-гармония и плитка шоколада в награду.

Заметки первых трех дней были лаконичны и удручающе похожи:

День 1 – эксперимент провален

День 2 – эксперимент провален

День 3 – эксперимент провален

На 4-й я, страдая острой шоколадной недостаточностью, опять начала неделю заново. Но твердо решила, что отныне буду молодцом, сегодня я разом пушу в ход всё, что знаю.

А какое знание первым приходит в голову? Правильно, продышать психоз. Ну это когда закрываешь глаза, делаешь несколько глубоких вдохов-выдохов, считаешь до десяти – и всё, ты, типа, опять адекват. Весь день я добросовестно, очень старательно продыхивала каждый спорный момент. К вечеру в общей сложности досчитала примерно до триллиона и всерьез начала опасаться, что умру от гипервентиляции легких.

Днем же на улице я ни разу не гаркнула, да и ребенок был практически идеален: вроде ничего плохого не делал – всего лишь троллил девочку. Просто ходил за ней и ржал. Девочка

была постарше, заметно нервничала и через каждые два шага хмурила брови, надувала губки и возмущалась: «Бабушка, ну чего он смеется?» Бабушка сначала улыбалась: «Да он с тобой так играет», потом стала немножко напрягаться: «Просто не обращай на него внимания», а потом принялась озираться по сторонам, и во взгляде так явно: «Чей гаденыш?» Наткнулась глазами на меня – я неподалеку в коляске укачивала младшую на сон. В другой раз я бы давно вмешалась, но не сейчас: я уже продержалась целых полдня и очень хотела шоколадку. Поэтому продолжала катать коляску и делала вид, что гаденыш не мой.

Вечер дался мне с трудом. Понимаете, я весь день каким-то чудом без штрафных санкций уже разрулила истерику, когда какая-то недальновидная тетенька «помогла», открыв дверь ключом от домофона, тем самым оставив нас без вот этих ритуальных нажиманий на циферки и прослушивания домофоновского диллин-диллин; разрулила, когда у Темыча сломался банан, а он хотел целый; разрулила даже когда я случайно первой нажала эту долбаную-долбаную-долбаную кнопку лифта. Надо давно этим дармоедам, вместо того чтобы свежей плиткой по весне выкладывать на тротуарах слово «вечность», вынести на обсуждение законопроект о внедрении второй кнопки вызова лифта в многоквартирных домах, где проживают дети.

Ну и вот, значит, вечер. Я непоколебимо верчу котлеты, Тёма висит на мне и отчаянно претендует на «Оскар» за главную мужскую роль в драме «Я хотел яблочный сок, а у нас только грушевый». Кулачками машет, как бы сражаясь с несовершенствами этого мира, устремляет взгляд ввысь, монотонно, изнуряюще и совершенно неконструктивно взывает: «Мамммма! Ну ма-а-а-ммма-а-а! Ну ммма-а-амма!» Такая палитра чувств, такая экспрессия – Отелло Дездемону душил, меньше драмы было.

Я поскребла по сусекам, из остатков вмняемости слепила спокойную мать, прижала пальцем дергающееся веко, присела на уровень ребенкиных глаз, как учат книжки, и очень спокойным, ссука-а-а, голосом начала: «Я понимаю, ты расстроен...»

... Скажите мне, тут какой-то положительный эффект должен случиться? Потому что мой сразу после этой фразы бросился на пол и начала сотрясать воздух руками-ногами в режиме турбомельницы – я думала, взлетит. Раньше он никогда так не делал, обычно он брутально истерит – по-мужски, долго, громко и выматывающе, но без вот этих вот валяний на земле. И, знаете, тут я его очень понимаю. Я ж по дурости эти умные книжки сразу мужу подсунула почитать. И он, значит, меня моим же оружием. Я как-то стояла суп варила и очень негодовала, размахивая половничком, не помню, естественно, по какому поводу. Ноздри раздуваю, искры из-под копыт выметываю. И тут мой начитанный подходит, чуть наклоняется ко мне, заглядывает в глаза и максимально проникновенно: «Я вижу, ты расстроена...»

ДА ТЫ Ж, ЁПТ, КАКОЙ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ!

Но на мгновение я и правда заткнулась – мысленно в тот момент ломала о его голову стул. А потом перешла на такой ультразвук, что у нас стеклопакеты чуть не потрескались, а муж осмотрительно притих: то ли решил не связываться, то ли просто его мозг такую частоту воспринимать отказался. Короче, метод определенно работает, но немного не так, как задумывал автор.

Подводя итоги того дли-и-инного тру-у-удного дня, я была очень довольна собой (правда, решила этим днем и ограничиться, эксперимент свернула). Во-первых, я действительно почувствовала, как у меня увеличился запас прочности, я просто одним днем стала гораздо терпеливее. И терпимее, что важнее. Еще я случайно нащупала свой авторский способ оставаться в адеквате в самые сложные моменты. Вместо того чтоб дышать и считать, я с тех пор ору песни (если дома) или тихо пою себе под нос, размахивая головой в такт (если на улице). Со стороны, должно быть, выглядит слегка шизофренично, зато помогает.

Ну и выводы по моей практической работе:

а) дети, как ни крути, нас все-таки зеркалят и чувствуют: может, совпало, а может, и нет, но следующий день прошел на редкость спокойно;

б) все эти приемы, вся эта психологическая теория из умных книжек – всего лишь психологическая теория и к реальным детям имеет мало отношения. Поэтому почитать можно, пробовать применять – тоже, но надеяться, что в них прямо ключ к спасению, не стоит;

б) еще, как выяснилось, не стоит подсовывать подобные книги мужу

г) такого вкусного шоколада, как в тот поздний вечер, я не ела никогда в своей жизни.

Контрольная работа

В целом хочу вас предостеречь: *когда рожаете, сразу готовьтесь к тому, что в воспитании вашего ребенка будете принимать участие не только вы, все близкие и не очень родственники, но и совершенно посторонние люди.* Причем с таким усердием, как будто на долю вашего стакана воды в старости претендуют.

Раньше меня раздражало, когда в метро через плечо кто-то читал мои книжки или совал нос в мой телефон. Сейчас меня раздражает, когда на детских площадках через плечо воспитывают моих детей.

Сижу как-то на лавочке, очередная пани Бдительность в лице чьей-то зоркой въедливой бабушки стоит на страже своего внука. И заодно зачем-то стражит мою. Красноречиво цокает, многозначительно качает и водит головой – от лазающей везде Алиски до меня, которая за ней с выставленными руками почему-то не скачет, и обратно. Но я, «пррраститутка такая», сижу и даже не дергаюсь. Терпеливая, надо сказать, пррраститутка, потому что бабушка реально достала цокать. Она меж тем сменила тактику и пошла в наступление: как бы невзначай быкнула меня бедром в плечо. Я проявила какие-то чудеса принятия и снова никак не отреагировала. Бабушка не унималась, вновь качнула бедрами и опять потрогала меня ими за плечо. «Вы бы следили, – говорит, – за ребенком-то, она вон с горки уже едет». – «Вижу. Слежу. Спасибо». А я в тот момент собачилась с оператором мобильного оператора, которая на все мои вопросы предлагала выбрать нужную циферку, чтоб она могла мне помочь (тетка живая, не автоответчик, хотя я в какой-то момент начала в этом сомневаться). И тут бабуля вырастает передо мной всем своим могучим торсом, пуговкой на вязаной кофточке почти упирается мне в нос и опять, теперь очень властным тоном с нотками назидания: «Мамочка, ваш ребенок на „паутину“ лезет, что ж за ним никто не следит?!»

Я трубку с оператором оператора от уха отодвинула, многозначительным взглядом вверх по бабушкиной вязаной кофточке скользнула прямо ей в зоркие глаза: «Почему, – говорю, – никто? По-моему, вы отлично справляетесь».

Хамка я, да. А потому что нечего свой нос в мои пуговицы совать. Ну то есть наоборот. Ну вы поняли.

Я же как-то нахожу в себе силы промолчать, когда на улице +26, а чужие дети как эскимосы одеты, потому что «ну так еще не лето» и «вчера вон еще в куртках ходили». Вчера – да, а сегодня утром мы с Алиской на градусник глянули и (не без усилий, потому что правда сложно, когда не лето ж еще) вышли в сандалях на босу ногу, майке и шортах – и она, и я. А дети вокруг по инерции в штанах, ботинках, кофтах, сверху еще кофта и шапках – у всех, правда, легкие, но у одного такая, шапка-шапка на завязках. Мамы более логично одеты, почти по-летнему – даже та, у которой ребенок в шапке-шапке. Получается, ты можешь высунуться в окно, оценить, что там тепло, и одеться соответственно, что ж у тебя ребенок как из арктической экспедиции прибыл и домой зайти не успел? А самое поганенькое, что когда их таких много, а ты один, и они еще на тебя все зыркают так: «У-у-у, ну ты ваще-е-е», выходит, что недомать-то ты.

Но в отличие от вязаной бабушки с пуговкой я всегда деликатно молчу – не моя, знаете ли, зона ответственности да и как-то в целом пофиг. А мои меж тем флешмоб в песочнице устроили. Алиса сняла сандаля, чтобы песок вытряхнуть, голой ногой наступила – ей понравилось, она второй сняла и давай босиком там скакать. Я сначала зудела, сидя на лавке: «Алиса, обуйся, Алиса, обуйся, Тём, помоги Алисе, а?» Тёма со словами: «Да, хорошо, сейчас» тоже принялся снимать сандали. Я было затянула: «Тём, Алис, тут не пляж, обуй...», но что-то заленило меня на полуслове, всё равно бесполезно. Ну и какая разница, они ж руками в нем

копаются, в песке этом, почему ногами нельзя? А эти скачут, хохочут, весело им и меня не трогают. Ну и чудненько.

Но тут дети по цепочке вдруг стали разуваться, к песочнице со всех концов площадки начала сбегаться малышня, чтобы тоже босиком потоптаться, а за ними мамы с криками: «ТЫШТОО! НЕЛЬЗЯЯЯА!» А дальше на меня посыпались яжмамские коронные. Ну, знаете, когда посредством своего ребенка идеальная мама доносит до твоего сведения, что ты чмо. Ну вот это:

– Я сказала, надень сандали!

– Но мальчик же босиком!

И она, заметно громче и таким голосом, как будто через чеснокодавку давит:

– Просто мальчику мама не объяснила, что так делать нельзя!

Ой, да маме мальчика глубоко фиолетово в данный момент, она по лавочке растеклась и первый раз за не помню сколько времени как будто даже отдыхает. И то ли это солнце так шпарило, то ли мамки меня глазами жгли, но я прям загорела.

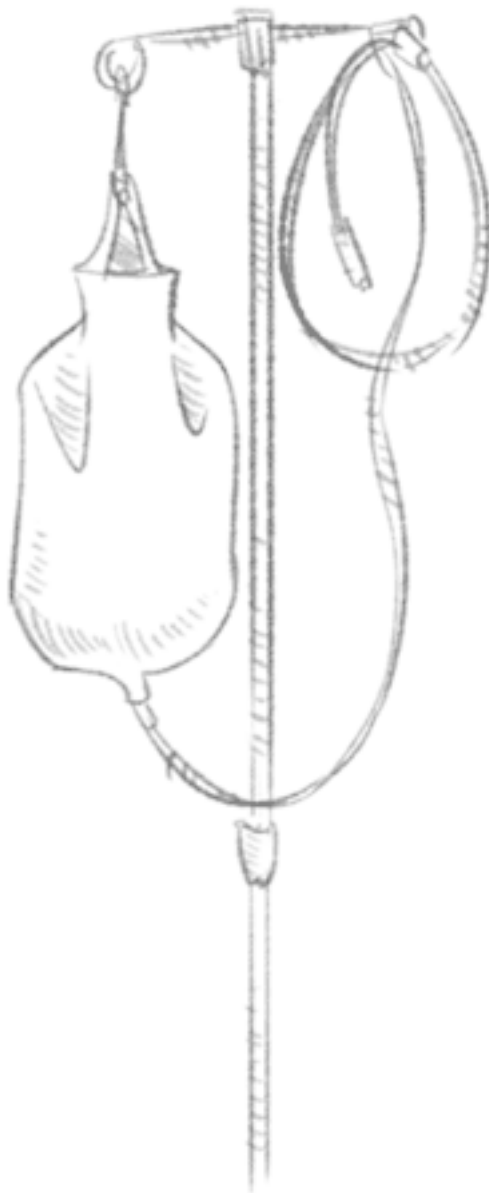
* * *

Недавно я пересматривала фильм «Сплит» – про чувака, помните, в котором двадцать три личности, – и на меня озарение снизошло. Это ж, блин, про меня! Готова спорить, что сценариста вдохновила какая-то глубокая декретница – и он просто изобразил все ипостаси материнства. Вот та живучая тварь, готовая убивать, которая по стенам металась, – это точь-в-точь мать на восьмом году декретов, которая в очередной раз дошла до ручки, пытается сбежать, а не может, потому что детей не с кем оставить. Правда, помимо дизайнера, обиженного ребенка, старой тетки и кто там ещё был в герое МакЭвоя, во мне до кучи горничная, повар, квалифицированный доктор, официант, переговорщик, адвокат, судья, баба в разгар ПМС, алкоголик, психопат, зубная фея, спекулянт на «Авито» и бездарная рукодельница. Еще постоянно борются леди и бомж. Леди отчаянно пытается найти время, чтобы помыть голову, и повод, чтобы накрасить ресницы, а бомж ей сирым голосом орет: «Да кому твоя чистая башка и ресницы нужны – иди лучше поищи, может, пожрать чего осталось». И всей этой компанией мы иногда тоже ходим к психологу.

Материнство, скажу я вам, очень специфический жанр со своей особой драматургией. Тот еще триллер с элементами хоррора. Бывает, правда, и комедия проскочит, и мелодрамка трогательная, и зомби-апокалипсис периодически наступает. Но счастливых эпизодов, как ни крути, больше. Люблю этих двух своих, главные роли в моей жизни теперь исполняют которые.

Это во мне сейчас, как вы поняли, говорит баба в разгар ПМС.

Глава 2

Все, закругляемся

Не с того я, конечно, начала – надо было с начала. Но я хотела как-то познакомиться, что ли, руку пожать, а не поворачиваться сразу тем местом, через которое человек становится матерью. Хотя начинать знакомство с вывернушки тоже не сильно гуманно по отношению к собеседнику, согласна.

Эта глава посвящена процессу становления меня как матери. Не то чтоб я тут философствую, скорее рожаю. Два раза. Хотите, пойдём со мной, хотите, можете пролистать. Но обещаю минимум физиологии, постараюсь, в общем, не остаться в ваших глазах вывернушкой.

* * *

Одним прохладным сентябрьским вечером мы с мужем вернулись из десятидневной жаркой оллинклюзивной Турции – с красивым загаром, мягкими боками и, как выяснилось позже, втроем. То, что я контрабандой провезла в себе зарождающуюся жизнь, обнаружилось спустя несколько дней. Пес, который поутру пошел со мной в ванную наблюдать, как двуногая писает на палочку, узнал первым, был беспощадно сдавлен в объятьях и обещал никому не рассказывать.

В мечтах я давно рисовала себе тот волшебный сюрприз, который устрою мужу, чтоб сообщить о его скором паптеринстве. С коробочкой красивой обязательно, ленточкой и трогательной открыткой, романтично чтоб всё, по свечам тек горячий парафин, а по щекам такие же горячие слезы счастья... Но вспомнила я об этом, уже когда варварски трясла спящего мужа, пинала его в мягкие бочка, размяв, кажется, весь старательно отложенный в них оллинклюзив, тыкала ему в нос тест-полоской и воодушевленно шипела: «Просыпайся! Ну просыпайся же-е-е! Смотри, что у меня е-е-есть!» Муж разлепил полглаза, не до конца понял в чем дело. Но он у меня мудрый и жизнью наученный, поэтому, видя невяжущее-восторженное состояние жены, решил, что с ней лучше не спорить, надо обнять и поздравить потом-разберемся-с-чем.

Будущий папа встретил новость примерно так же романтично, как я ему о ней сообщила. Устав наконец восторженно скакать по кровати, я нырнула мужу под мышку и протянула ему тест: «Ну на, посмотри же, посмотри-и-и!» Он устремил было руку навстречу, уже выставив вперед принимающие большой и указательный пальцы, но резко затормозил в воздухе. И, прямо перед тем как взять за кончик заветную дважды полосатую палочку, прищурил глаз и подозрительно посмотрел на меня: «А ты на какую сторону пописала?»

Дальше наступило какое-то волшебное время, когда ты вроде ничего такого не сделал, но чувствуешь себя вельможей. Все тебя обхаживают, ухаживают, подносят дары, уточняют, не махнуть ли опахальцем или не прибавить ли жар в батарее. Токсикоз не лютовал, проявлялся только в моменты, когда коллега ела вареную рыбу на рабочем месте. Но, кажется, в те моменты он проявлялся у всех.

Гормоны играли во мне так азартно, что, подозреваю, даже на деньги. Однажды от метро до работы шла и заметила на дереве синичку. Поняла, что я синичек тыщу лет не видела, а тут вот увидела, и она была такая красивая, и это было так прекрасно, и как будто прямиком из детства... Короче, я так ей обрадовалась, что случайно разревелась от счастья. На работу пришла зареванная, заботливые взволнованные девочки тут же подались ко мне: «Ты чего-о-о?» – «Синичка, ссука», – всхлипнула я и большим трогательным бегемотом стала протискиваться в свой рабочий закуток.

IQ тоже пал под натиском серотонина, тупила я отчаянно. Зачем-то постоянно убирала зонт в холодильник, собачий поводок в шкаф с одеждой и периодически выходила гулять в разных кедах. Или вот, из любимого: заводила машину и, пока она грелась, искала по всем сумкам и карманам ключ, чтоб завести машину, искусно при этом матерясь. Еще, помню, на работе кто-то очередной спросил, с трудом охватив взглядом мой живот-торпеду, который заходил в двери намного раньше меня:

- Ой, как здорово, поздравляю, а кто будет?
- Мальчик.
- А когда срок?
- В середине июня.
- Близнецы?
- Да нет, – говорю, – один.

– Что один?! – смеялся собеседник. – Близнецы, спрашиваю?

– Что близнецы? – немножко злилась я. – Один, говорю! Мальчик!

Я, кстати, была уверена, что работать буду до упора, рожать поеду прямиком из редакции и между схватками еще чего-нибудь поредактирую. Дедлайны, знаете ли. Но живот рос, размягчался таз, продолжал размягчаться и мозг, мне всё стало лень, надоело метро, надоели люди, надоело куда-то постоянно ехать и что-то постоянно делать. Синички еще эти. Хотелось гулять, лежать на диване и кушать печеньку. Поэтому четко в срок я без фанфар, но с осетинскими пирогами-доставка-прямо-в-офис выпроводилась в свой заслуженный беременностью отпуск.

Коротала его, как и планировала: гуляла, лежала на диване и кушала печеньку. Ребенок в животе взрослел, изжогами не мучил и в целом вел себя достойно. Дискотеки ночные только устраивал, чем немного напрягал пытавшуюся спать меня – по ощущениям он ночью просто вставал на ноги, беспощадно растягивая мать в параллелограмм. В такие моменты казалось, что это не я его вынашиваю, а парень просто живет своей насыщенной жизнью, но по странному стечению обстоятельств снаружи обтянут какой-то женщиной.

Я порхала, словно бабочка, хотя была размером с баржу. Говорят, что беременность женщине к лицу – вот к моему лицу она накинула ровно двадцать кило. Вкусовые предпочтения, впрочем, не поменялись и не извратились вопреки стереотипам – я просто ела. Много, везде и всё равно что, главное, чтобы этот процесс не прерывался. Помню, где-то на последних месяцах свои добеременные джинсы в руки взяла и даже не поняла сначала: сели, что ли? Серьезно, их будто с Барби сняли, я натянуть попробовала – чуть выше колен налезли, а дальше предательски затрещали, гады.

Еще на кухне вечно срабатывала световая сигнализация. У нас при входе выключатель на уровне опущенной руки (ну чтоб проходишь и, не напрягаясь, так по нему шлеп!), а прямо напротив – холодильник. Так вот, стоило мне в ночи втихаря полезть за вкусеньким – паба-а-ам! – врубался свет. Потому что я так разрослась, что в проеме этом с трудом помещалась, а когда открывала дверцу, зад упирался в стену и нажимал на кнопочку. Сам, я вообще не участвовала. Это ж, знаете, как со «Смарта» на фуру пересесть – к габаритам приспособиться надо.

А еще я могла делать что хочу, спать сколько хочу, есть когда хочу, идти куда хочу и даже в туалет ни у кого не отпрашиваться. Ни истерик тебе, ни пластилина в волосах, ни какашек, зажатых в кулачке. Скукотища. Но в целом да, мне очень нравилось быть водителем фуры и как-то немножко даже грустилось, что подходило время отцеплять свой кузов в новую отдельную жизнь.

Сила родов

Сомнительное удовольствие

В понедельник я, с трудом дотягиваясь через пузо до руля, еще важно рулила машину по маршруту дом – Ашан – дом. Во вторник стукнуло ровно 39 недель, с самого утра неприятно ныла поясница, а внутренний голос ненавязчиво шептал, что к вечеру я, вероятно, уеду рожать. Этот этап родов, пока еще гипотетических, я бы условно назвала сомнительным, потому как вплоть до самой клизмы сомневалась – рожаю я или нет.

В унисон пояснице тихонько начал ныть живот, что, впрочем, не помешало мне весь день гонять по делам, за люстрой даже с папой¹ съездила. Он, правда, заподозрил неладное, потому как я не полезла втихаря за руль, а попросила его меня отвезти. На этот раз на всякий случай прихватила не только обменку, которую давно везде таскала с собой, но и всю папку с документами – внутренний голос не унимался.

Домой вернулась часов в пять вечера – с люстрой и уже более ощутимым дискомфортом внизу живота. Решила поиграть со «схваткосчиталкой» – та начала выдавать весьма стабильные схватки. Поинтересовалась на мамском форуме (сйжу, да), рожаю ли я, – со стороны-то, конечно, виднее, пожарила на всякий случай мужу курицу на пару дней вперед. После того как форум дружно констатировал, что я скорее рожаю, чем нет, ушла наводить... ну это... марафет.

И знаете, что я скажу? Нужна такая профессия – мастер по предродовому бритью. Официальная, с окладом там, оплачиваемым отпуском и хорошими чаевыми. Потому что делать это самой... Короче, теперь я знаю, какие муки и унижение испытывает цирковой слон, стоя на одной ноге на тумбе вниз головой. Пробовала с зеркалом, но из нас получились фиговые напарники – мы друг другу больше мешали, чем помогали. Но полчаса мучений – и але-оп! – слон при полном параде. «Обидно будет, если все-таки не рожаю», – пытаюсь через пузо разглядеть свой креатив, подумала я.

Пока выделявала эти трюки, изрядно проголодалась, поэтому следующим шагом поинтересовалась на форуме, можно ли поесть. «Можно», – ответило большинство, и я устремила на кухню. Возвращаюсь в комнату, дожевывая курицу с картошечкой, открываю форум, читаю ответы в своей ветке: «Курицу есть не стала бы, а что-то легкое и сладкое вполне». Вытащила изо рта облизываемый палец, несколько виновато взглянула на добросовестно обглоданный окорочок. «Ай, ладно, переварится», – решила я, но не надо недооценивать курицу (спойлер: мы с ней еще встретимся чуть позже). Легким и сладким, впрочем, тоже догналась – нельзя же пренебрегать советами.

Далее подумала, что пора бы сообщить о моих возможных родах мужу. Набрала его и бодреньким таким голосом намекнула, что сегодня на работе лучше не задерживаться. «Что, началось?» – догадался мой проницательный. Я кивнула в трубку, и через сорок минут он уже материализовался в дверях, хотя в стандартные будни едет минимум час. Муж был встречен, поцелован и усажен за ноутбук засекаать схватки.

Следующий час прошел под мои крики из разных концов квартиры: «Ста-а-арт! Сто-о-оп!» Муж ответственно жал на кнопочку схваткосчиталки. Когда та констатировала интервал около семи минут, встал вопрос (пока теоретический – не факт ведь, что я рожаю-то), на чем ехать в роддом. Деду звонить я не хотела, чтобы не наводить ужас на маму. Я вообще мечтала

¹ Далее папу, который мой, будем звать «дед», чтобы не путать с папой, который Тёмин и Алисин, он же мой муж. Дед на панибратского «деда» не обижается – это его внутрисемейное прозвище с момента рождения первой внучки.

родить втайне от нее и с утра уже по факту поздравить – помню, старшая сестра рожала, так у мамы в режиме реального времени на голове седых волос прибавлялось. Скорую тоже нет... ну просто потому, что это скорая, а мне хотелось комфорта, уюта и на ручки. И нужно было прицельно попасть в конкретный роддом не по прописке, а скорая, поговаривали, может пойти на принцип и такие снайперские услуги не оказать даже за денежку.

Позвонила сестре, чтоб подумать об нее. Она сагитировала всё же сообщить родителям, мотивируя тем, что они мне потом таких родов втихаря не простят. Немного поколебавшись, позвонила. Сначала на фоне заойкала мама, причитая: «Всё, я тоже еду, я тоже еду». Потом скупой ойкнул папа: «Я тут, правда, пивка немножко глотнул. Но я готов! Выезжаем?» Мне же подумалось, что негоже сажать немножко-глотнувшего-пивка папу за руль. Добавить сюда ойкающую всю дорогу маму и... решение звонить друзьям, Ире и Роме, нарисовалось как-то само собой.

Друзья, к слову, у нас были припасены на самый крайний случай – в первую очередь из-за моей фобии затопить Ромке водами всю машину, а они за нее еще даже кредит не выплатили. «Что, рожаеть?!» – без здрасти и до свидания раздался в трубке голос Иры. «Ну вроде бы...» – «О-о-о, круто, едем!.. А ты это... уже прям совсем рожаеть? А то нам по делам заскочить еще надо, потерпишь?» Да потерплю, чо там. Тем более бутерброды мужу еще не наструганы. Муж, кстати, был застукан за запихиванием камеры гоу-про в карман. У меня самопроизвольно челюсть упала на живот, а мое беременное лицо, похоже, выказало столько эмоций, что муж виновато начал выгружать камеру на стол со словами: «Не, ну не хочешь, я не буду брать...»

Мой эскорт прибыл, как и было обещано, ровно через полчаса. «Что-то не похожа ты на рожаящую», – скептически заметил Рома, когда я выпорхнула (ну насколько может выпорхнуть раздобревшая на двадцать кило баба-дирижабль) из подъезда. В роддом мы ехали весело, ели мужнины бутерброды, и вообще, все, кроме меня, были уверены, что ни фига я не рожая. Я тоже до сих пор сомневалась, периодически втихаря дышала на легких пока схватках, щупала под собой сиденье на предмет отошедших вод, а потом опять сомневалась. Ромка то и дело мониторил меня в зеркало заднего вида, и я, дабы не нервировать водителя, старательно улыбалась и всячески делала вид, что не рожая.

Спустя минут двадцать мы уже прибыли к роддомовскому шлагбауму. Рома меланхолично махнул охраннику: «Вы нас не пропустите? А то мы тут это... рожаеть вроде». Тот заглянул в машину и вопросительно на всех посмотрел. Все дружно затыкали в меня пальцами, я поидиотски улыбнулась и светски помахала ручкой, как будто меня коронация ждет, а не клизма и ночнушка. «Не похоже что-то», – читалось в глазах охранника, но шлагбаум он открыл.

В приемном приятная девушка с ходу поставила меня в тупик вопросом: «На что жалуетесь?» – «Да я в общем-то не жалуюсь, я рожая просто... вроде...» – растерялась я. Друзья с мужем ждали за дверью в полной уверенности, что меня отправят домой. Мне задали еще несколько вопросов, измерили температуру и, видимо, на основе этого сделав вывод, что я таки рожая, выдали очень эротичный комплект: нечто прозрачное, почему-то звавшееся ночнушкой, и выдавший виды, судя по потрепанности, бабушкин халатик. «А что, рожая все-таки?» – удивилась я, послушно облачаясь в казенный наряд. «Ну да. Вас еще посмотрят и точно скажут. А пока идите на клизму». На этой приятной ноте друзья были отправлены домой, муж на бордовый диванчик в приемной, а я... ну, у меня как бы без вариантов.

Клизма оказалась вовсе не так страшна, как ее малюют. В моем воображении всё выглядело примерно так: в тесном процедурном кабинете меня бездушно заправят пятью литрами воды, и потом я, держась за зад, в холодном поту должна бежать по длинному-длинному коридору с мигающей лампой к вожделенному сортиру. Но нет, там целая клизменная комната – с кушеткой и зловеще нависающей над ней клизмой (она правда огромная), туалетом и душевой. После процедуры отправляют в клозет на полчаса, ровно. Там даже часики китайские на полу стоят, чтобы засекасть.

Полчаса на толчке?!

А у вас wi-fi есть?

«Да, обидно будет, если всё-таки не рожаю», – опять подумала я, лежа на кушетке под клизмой и ощущая прилив. Не, не сил. Просто прилив.

Песни и пляски

На унитазе было скучно, холодно и одиноко. Зато там я наконец поняла, что таки рожаю. Схватки чуть усилились и участились. Однако ж, вместо того чтобы потренироваться на них дышать, я зачем-то амплитудно раскачивалась на толчке и шепотом пела: «Верхом на зве-е-езде-е-е». Серьезно. Надо, надо было всё-таки гоу-про с собой брать.

После того как со всеми грязными делами было покончено, а песня допета, меня сопроводили в камеру пыток. Во всяком случае, судя по крикам, доносившимся оттуда, сомнений, что там кого-то пытаются, у меня не было. Я шла по длинному коридору (тому самому, по которому я должна была бежать, держась за зад), в ужасе сжимая в руках туалетную бумажку и телефон с зарядкой – этот набор мне великодушно разрешили взять с собой. По левую сторону тянулись бесконечные стеклянные комнатухи, в каждой из которых в самых жутких ракурсах корчились в родах по две роженицы. «Простите, пожалуйста, – робко дернула я медсестру, – а муж тоже тут пойдет?» Я посмотрела на свою туалетную бумажку и подумала, что при таком раскладе стоило оставить ее ему. «Нет, мужа окольными путями проведем, не волнуйтесь».

Признаюсь, я всегда искренне считала, что вместе с женами на роды идут только извращенцы. А зовут их, несчастных, поучаствовать в этом зрелищном действе еще бóльшие извращенцы. Поэтому каждый раз выразительнее всех фыркала «фу-фу-фу», когда слышала, как кто-то родил совместными усилиями. А теперь вот муж шел со мной. «Фу-фу-фу», – продолжала фыркать я, но оправдывала себя в своих же глазах тем, что в нашем случае всё по расчету: врач персональный мне не положен, потому что контракт на дежурную бригаду, зато муж включен в стоимость. Стало быть, раз он хочет (а он, как назло, хотел), пусть идет – пригодится, если надо будет врача позвать, воды подать, ну и всё в этом духе. Да и потом, как опять же заметил мудрый форум: «Выгнать в коридор всегда успеешь». Вот под таким девизом «Надоест – выгоню» мы и отправились вместе на роды.

В конце коридора стояло два стола и несколько стульев. «Вот оно, логово гестаповцев», – подумала я. «Посидите здесь, – улыбнулась мне медсестра, – сейчас придет доктор и вас осмотрит». Первые десять минут по мне табунами бегали мурашки – то ли от холода, то ли от этих нечеловеческих воплей в формате долби серраунд. «Че ж они так орут?» – искренне недоумевала я. *Тогда я еще не подозревала, что через каких-то пару-тройку часов мне тоже предстоит дебютировать в этом нелегком жанре.*

...Прошел час, а ни намека на врача не было. Я послушно ждала на том же стульчике, покачивая на сквозняке подолом ночнушки. Замерзла, зато стоны больше не оказывали на меня психологического давления и какого-либо пугающего эффекта, даже стали казаться весьма мелодичными. Это, знаете, как с сигнализацией: когда она в ночи часами орет под окном, начинаешь как будто различать слова и мысленно ей подпевать.

Еще спустя минут пятнадцать появилась медсестра и повела меня на УЗИ. Там рассказали, что ребенок весит очень приблизительно 3400, точнее измерить нельзя, потому как голова, цитирую, «уже экстремально низко». «Чудесно, – подумала я, – рожу в два счета, стало быть». Наивный, наивный ты, Настя, человек....

Меня вернули на тот же стул, где по мне скучали родимая туалетная бумажка, телефон и зарядка. Вместе мы прождали врача еще около получаса. Я уже прилично закалилась на сквозняке и начала было вращать в стул, когда меня таки пригласили на осмотр. Врачей в ту

ночь я не запомнила ни одного, сколько ни всматривалась в их лица, бейджи и прочие памятные места, посему обозначим первую Врач № 1. Она констатировала, что мало передних вод, и без объявления войны проколола пузырь. После чего велела сунуть простыню между ног и шкандыбать в свой родблок. Да, тут я первый (и, пожалуй, чуть ли не единственный) раз порадовалась, что заключила хоть какой-то контракт, на дежурную бригаду то есть. У меня был отдельный просторный родблок с кушеткой, кювезом для малыша, раковиной, всяческими мячами с пупырышками и специальными стульями для пережидания схваток – это против тех тесных стеклянных родовых комнатушек, которые совсем бесплатно. И, что особенно радовало, непрозрачными стенами. На мяч я, кстати, сразу положила глаз, но положить на него зад с целью облегчения схваток так и не довелось.

Я заселилась в свой родблок, удобно расположилась на кушетке, скинула халатик... нет, какая-то неуместная псевдоэротика... Я, дыша, как престарелый лось, зажав одной рукой простыню между ног, второй неспешно выковыряла себя из халата. Тут распахнулась дверь, и вошел высокий, статный такой мужчина. Прямо как в сериалах про больницу, будто немного даже замедленно и в красивом киношном свете. Не сразу признала в этом чудо-докторе в халате, чепчике и казенных тапочках своего мужа.

Схватки меж тем набирали обороты. Не успела я порадоваться прибытию своего благоверного (однако ж уточнить «Как скажу, выйдешь в коридор, помнишь?» время нашла), явилась медсестра и скомандовала: «На месте не сидим, активно ходим. Можно в душ – там полегче будет». – «И так пережду», – самоуверенно в мыслях хмыкнула я, но минут через десять уже послушно топала по коридору по направлению к душе. Его, к слову, нашла далеко не с первой попытки. Там было штук семь кабинок, за каждой дверью – швабры, тряпки и ведра. «Простите, а где тут душ?» – поинтересовалась я у вовремя заглянувшей сюда уборщицы. «Вторая кабинка», – неприветливо буркнула она. Я прошарила глазами все двери в поисках цифры 2, но, так ее и не обнаружив, робко уточнила: «Вторая слева или справа?» – «Женщина, вторая кабинка!» – пролаяла уборщица. Спасибо, чо, – и за помощь и за «женщину».

Методом проб и ошибок я все же набрела на душ. Организм, видимо, обиделся на врача за проколотый пузырь и теперь мстил почему-то мне очень ощутимыми схватками. Пережидать их приспособилась, упершись лбом в стену, поливая поясницу горячей водой и эротично вырисовывая бедрами восьмерки. В перерывах зачем-то опять пела... хотя нет, теперь скорее мычала: «О жизнь, ты прекра-а-асна! О жизнь, ты прекра-а-асна-а-а вполне, бываешь немно-о-ого опасна. ОУ ЕЕЕ».

В душе я проплясала довольно долго, и теперь передо мной встала задача посложнее – заставить себя из него выйти. «Сейчас, еще одну, еще одну» – бодая стену, качала я бедрами и по семидесятому кругу ротировала Найка Борзова. После очередной схватки таки вытащила себя из душа, замоталась в ночнушку и почти вприпрыжку поскакала в родблок.

Давай колись

Допрыгав до места, я оттоормозилась о выпученные глаза мужа – он ждал меня с телефоном в руке и легкими нотками паники в голосе: «Ты чего так долго?!» Должно быть, решил, что где-то по пути в душевую меня успели разобрать на органы.

А, тут надо бы сделать небольшое лирическое отступление. Муж у меня весьма недоверчиво относится к медицине вообще и к врачам в частности. Интернет ведь пестрит случаями, когда пациентов разбирали на органы, над кем-то ставили опыты, а детей в роддомах путали, умышленно меняли, а то и продавали. Да и потом, мы на сериалах бразильских выросли, знаем, как это бывает. В общем, сдается мне, муж по большей части так неистово и просился со мной

рожать, чтоб уж точно понимать, что из нашего ребенка вырастет именно тот, кого мы родили, а не какой-нибудь подсунутый Хуан-Антонио.

Дальше пошли какие-то совсем болючие схватки, и у нас с мужем началась командная игра. В том смысле, что я командовала, а он исполнял. «Три! Сильнее! Выше! Левее! Еще левее! Силь-не-е-е! Воды-ы-ы, дай воды-ы-ы!» О, массаж поясницы, скажу я вам, это вещь!

«Почему никто не контролирует процесс?» – мелькнуло у меня в голове, и тут же в дверях материализовалась Врач № 2. Я ее, можно сказать, нутром чуяла, только не заранее, а в процессе – она пришла проверить раскрытие. Молча пошурудила в моем внутреннем мире и собралась уходить. «А сколько раскрытие-то?» – поинтересовалась я. У нас же голова «экстремально низко», поди, и до потуг недалеко. «Три». Я думала, это она повелительно наклонила мужа, чтоб он не расслаблялся и тер мне поясницу вдумчивее. Но нет, это было числительное, и означало оно, что веселье еще даже не началось, а я уже ищу, где выход у этой вечеринки.

Не успела я как следует офигеть, за Врачом № 2 звучно хлопнула дверь. Еще спустя минут пятнадцать заглянула медсестра и сообщила, что, если пожелаю, можно будет обезболиться часа через полтора. «Желаю! – без пререканий кивнула я и вот теперь офигела в полную силу: Через полтора часа?!»

За это время муж, кажется, стер в мозоли все пальцы о мою поясницу, а я очень мелодично выла на схватках, периодически вопрошая: «Полтора часа не прошло еще, нет?» Когда стало совсем немоготу, вдруг распахнулась дверь. Спасение явилось в лице тучной тетушки с двумя шприцами и какой-то бумажкой под мышкой. Бумажку она тут же сунула мне, я дрожащей рукой расписалась, даже не прочитав, под чем. Как потом узнала, сим я согласилась, что в случае чего (ну, там, если тетушка промахнется и не туда свой шприц воткнет, таким образом меня покалечив) я на них не в обиде.

«Ложись. Поворачивайся ко мне спиной, – скомандовала тетушка. – Прижми колени к груди, замри в позе эмбриона и не дергайся».

На схватке.

В позе эмбриона.

И не дергаться.

Сама-то пробовала?!

Я начала было кряхтеть, что не могу, что схватка... Но фраза: «Не дергайся, говорю, а то инвалидом останешься», надо сказать, отлично мотивирует.

Сначала мне всадили какой-то болючий горячий укол, а дальше небольшое давление в позвоночнике, и сразу стало хорошо. Если продолжать неоднозначную аналогию родов и вечеринки – это был примерно тот момент, когда ты очень хотела домой, но уйти нельзя – и вдруг принесли поднос с вином. И вроде уже вечеринка не так плоха, и как будто даже весело.

К слову, на роды я, естественно, шла с убеждением «эпидуралка для слабаков». Но к тому времени готова была хоть сына в честь тетушки-анестезиолога назвать, лишь бы она уже воткнула мне куда-нибудь эти свои шприцы. Кстати, очень интересная анестезия. Отнимается только низ живота и ноги до колен. Остальное я прекрасно чувствовала, зачем-то все время шевелила пальцами ног и тыкала себя в свои бесчувственные ляжки. И схватки ощущаются – только практически без боли, просто напряжение, будто кто-то за тебя твой пресс качает.

Мне примотали аппарат КТГ, отключили звук и оставили нас с мужем наедине: его – наслаждаться моим обществом, меня – обществом эпидуральной анестезии. После нескольких часов неистового веселья я попала в какую-то просто чилаут-зону. Лежала при тусклом свете ночника и смотрела, как за окном светает, слушала, как щебечут птицы и моросит дождик. Муж дремал рядом на стуле, было так хорошо и спокойно – казалось, скоро уже можно вызывать такси и, от души натусовавшись, ехать домой. Кто б знал, что впереди у нас еще совершенно беспощадная афтепати.

Жили не тужили

Схватки шли, я их прекрасно чувствовала, но волновалась, что никто не мониторит КТГ, поэтому периодически варварски будила мужа, чтобы он посмотрел сердцебиение. За четыре часа, пока я чиллила под эпидуралом, к нам в родблок ни разу никто не заглянул. Ни врачи, ни медсестры, никто. Сердцебиение вполглаза бдил лишь сонный муж. Время от времени он, поправляя съехавший набекрень медицинский чепчик и зябко кутаясь в халатик, выходил в коридор на поиски хоть кого-нибудь. Но там то никого не было, то слышалось отрывистое: «Ждите, вы у нас не одни рожаете».

Около семи утра из меня стала выветриваться эпидуралка, сразу лихо накатили схватки, а с сердцебиением началась какая-то чехарда. Муж даже чепчик поправлять не стал – прям так, немодный, в коридор выскочил и буквально за рукав приволок Врача № 2. Она глянула одним глазом на монитор, велела прекратить панику – сказала, что у нас просто датчик сползает, и скрылась за дверь.

Я, чувствуя, что уже едва себя контролирую и до кульминации осталось немного, недвусмысленно намекнула мужу, что пора бы и ему скрыться за дверь.

– Где мне можно подождать? – спросил он, догоняя Врача № 2 уже в коридоре.

– Что ж вы, папаша, бежать-то решили?! – покачала она головой. Не знаю, впрочем, наверняка, покачала или нет, но, кажется, слышала, как у нее скрипела шея.

– Нет, жена просит.

– Раз пришли, сидите теперь до конца. Нечего туда-сюда шляться. Или идите в приемное, но обратно больше не пустим.

Муж просунул лицо в дверь и испуганно посмотрел на меня. В глазах читалось: «Опыты! Органы! Подмена детей!» Да и первым взять сына на руки ему уж очень хотелось. В общем, не помню, что на меня нашло (очередная схватка, видимо), но я махнула ему рукой, мол, ладно, оставайся. Вот вам и фу-фу-фу.

Врач № 2 позже всё же вернулась и проверила раскрытие. С замиранием сердца я ждала вердикта. «Полное», – безразлично резюмировала она, и я издала с кушетки вялое, но довольно победоносное «Ура-а-а». – «Чего ура-то, – бросила доктор уже у двери, – еще голова не опустилась».

Куда, блин, в цоколь?! Она же и так была «экстремально низко»!

С этого момента начался этап, который официально называется родоразрешением. Но я авторитетно переименовала б его в «кажется, ща сдохну». Эпидуралка окончательно отпустила, схватки стали совершенно непродыхаемыми и слились в одну бесконечную, меня начало распирать изнутри, как будто я целиком проглотила арбуз, и теперь он, целиком же, отчаянно ищет выход. А вокруг ни-ко-го.

Только мой несчастный муж, чье лицо к тому моменту приобрело нежно-фисташковый оттенок от ужаса, наводимого моими дикими воплями. В коротких перерывах я еще успевала рычать «Отверррнись! Не смотррри! Выйди в коррридорррр». Сознание, видимо, меня практически покинуло, а подсознание до сих пор не желало мириться с тем, что муж не изгнанся за дверь и теперь на все это смотрит.

Помню, как в полубреду я мысленно проклинала американских сценаристов – тех, кто навывдумывал одну из серий «Секса в большом городе». У меня перед глазами стояла та сцена, ну помните, где Миранда рожала. Сидит такая, как бы между делом тужится пару раз, издает тихий невнятный звук – и нате, получите, человек родился. Не знаю, может, успешные юристы с Манхэттена все так рожают, но у скромного редактора из примкадья так не получилось. Совсем.

Я извивалась, насколько позволяло мое ватное тело, впивалась когтями в ручки кушетки и издавала совершенно дикие животные звуки. Казалось, что слышу себя со стороны, и не верила, что это я. За это время еще раз двадцать послала мужа хоть-за-кем-нибудь, потому что арбуз, кажется, нашел дорогу, все пёр и пёр, а я не знала, что с этим делать. Но из коридора слышалось все то же железобетонное: «Вы у нас не одни рожают» – и никто не приходил. Муж отдавал себе отчет в том, что всех достал, но уж больно страшно я рычала. Он опять ушел, пошебуршил там чего-то в коридоре и притащил очень недовольную Врача № 2 сразу в комплекте с медсестрой. Они небрежно уселись на край кушетки, скомандовали притянуть колени к себе и как следует потужиться. Ноги я с горем пополам собрала в руки, а вот с потужиться как-то не складывалось. «Не. Ну это бесполезно. Я сказала, как следует», – собралась уходить врач. «Да не знаю я, как, блин, следует!» – «Тут никто не знает, и все рожают», – недовольно буркнула она и... ушла!

В следующий раз (а между этими редкими посещениями я всё стонала, как подышающий лось, и отчаянно дышала – очень не хотелось, чтоб роды принимал фисташковый муж) Врач № 2 явилась в компании Врача № 3. Вновь прибывшая была без халата (Хаус, ты?) и представилась дежурным врачом. Они опять заставили меня продемонстрировать этот фокус про ноги в руки и потужиться, отчитали и ушли. Потом опять пришли, опять отчитали и опять ушли. В очередной раз я просто взмолилась им вслед: «Ну подожди-и-ите, не уходи-и-ите, я ж стара-а-аюсь». На что уже из соседнего блока до меня донеслось такое знакомое: «Ты у нас тут не одна рожаешь. Тужиться сначала по-человечески научись!»

Дальше я уже ничего не продыхивала, почти ничего не понимала, только пыталась притянуть к себе ноги и самостоятельно училась тужиться. По-человечески. Пусть и под все те же нечеловеческие вопли. Но теперь мне не было за них стыдно – я пыталась выкакать арбуз и имела полное моральное право при этом орать.

Внезапно я решила, что на другом боку легче дело пойдет, начала ерзать и раскачиваться, пытаюсь повернуться. Чувствовала себя как огромный кит, выбросившийся на берег. Не столько даже из-за габаритов (хотя тут полное соответствие) – хотелось уже скорее сдохнуть, но меня постоянно поливали водой. Муж-волонтер поливал.

Приложив неимоверные усилия, я заходов в пять таки перевернулась, после чего меня совершенно вероломно начало тошнить. Ну привет, моя курица и что-нибудь легкое и сладкое. «Курица в утке», – зачем-то мысленно попыталась сочинить заголовок к сложившейся ситуации я, перевесившись через бортик кушетки.

Всё это время муж покорно сидел на стульчике в углу, лишь изредка подбегая плеснуть мне воды в лицо, когда я просила, и послушно потупив глаза в пол, потому что я постоянно орала: «Не смотри-и-и!» Потом к нам в родблок вкатили какую-то ширму – и я просто заставила его отгородиться от рожавшей в муках меня. В те несколько секунд, которые давались мне между схватками на глоток воды, я смотрела на него в щелочку в ширме и искренне сочувствовала – он, кажется, за это время сгрыз себе пальцы по нижние фаланги. Наверное, проще самому три раза родить, чем наблюдать, слушать, переживать и вынужденно бездействовать. Да еще и те немногочисленные, кто за это время к нам заглянул, считали своим долгом противной буфетчицы проскрипеть: «Что, папаша, поплохело совсем? За ширму-то спрятались». Подставила я, короче, нашего самоотверженного папашу по всем фронтам.

В какой-то момент, уже где-то совсем через бред, я уловила, как муж спрашивает у кого-то: «А через сколько примерно она уже родит?» – «Через полчаса максимум». – «Полчаса, полчаса – не вопрос. Не ответ – полчаса-а-а, ПОЛЧАСА-А-А» закрутилось у меня в голове – обширный, надо сказать, репертуарчик получился в родах, впору сборник саундтреков выпускать. О-о-о, это был самый чудесный скрипучий голос и самая чудесная новость – теперь я хоть знала, сколько примерно еще мучиться. С того момента я не отрывала глаз от часов на стене, даже на самых диких схваткопотугах.

Тут внезапно оптом явились Врачи № 2, № 3 и акушерка. Я краем уха услышала, как № 2 сообщает № 3, что у ребенка что-то с сердцебиением, что она сама испугалась, и дальше я не разобрала... Опять скомандовали тужиться, теперь как-то особенно зло (ну хоть сейчас, хоть сейча-а-ас подсказала бы, КАК, видит же, что не получается – я не тупая, с первого раза пойму). Я, естественно, опять облажалась. После чего врач № 3 громко сообщила, что у ребенка тахикардия, надо срочно рожать, и, если я не начну по-человечески тужиться, она будет тянуть его за голову щипцами. Из-за ширмы раздался подрагивающий, но строгий голос мужа: «Хватит ее пугать!» – «А я и не пугаю», – как-то утрированно безразлично заметила № 3.

Не знаю, действуют ли на кого-то подобные пинки нужным образом, но я после ее слов начала впадать в панику. Меня только ругали, пугали и ничего, ничего не объясняли. А у ребенка меж тем тахикардия. И щипцами за голову. Врач № 3 продолжала стращать, а Врач № 2, заметив, что я готова вот-вот разреветься от какой-то вопиющей безысходности, сжалась и наконец объяснила, что и как делать. Спокойно и доходчиво объяснила: дышать так, тужиться сяк, положила руку на живот и велела толкать ее.

Дело сразу пошло. Говорила ж, не тупая я. В какой-то момент услышала мужнин голос из-за ширмы: «А может, ей на корточках попробовать?» – «Папа, какие корточки, тут голова уже вот, идите посмотрите». – «Папа, ссиди где ссидишшь!» – шипела я голосом мудрого Каа. В перерыве между потугами Врач № 3 брала мою руку и настойчиво предлагала потрогать волосы на голове – ребенка, не моей – ну, как стимул быстрее родить. Я чувствовала себя главным героем фильма «Чужой», категорично мотала головой – своей, не ребенка – и умоляла от меня отстать: я только-только собрала ноги в кучу и наконец смогла притянуть к себе, как того требовала инструкция, данная Врачом № 2.

А дальше началась какая-то суета. Врач, то ли 2, то ли 3, закричала: «Подожди-и-и, дыши, мы не готовы еще!», все забегали, кушетка трансформировалась в кресло, акушерка облачилась в какой-то костюм супермена, всё стало так странно, как будто у нас не роды, а вечеринка-сюрприз и в дверях вот-вот появится именинник.

ПЛЮХ!

С таким звуком появился именинник, и не в дверях, а сразу у меня на животе.

Вот он. Мой маленький синюшный мужчина со смешной головой и крохотными сморщенными пальчиками, кричит и моргает, совсем как большой. Целый новый человек. «Какой хоро-о-ошенький,» – протянула я уже вполне себе человеческим голосом и обессиленно уронила затылок на изголовье.

«Папа, идите посмотрите, какой узел на пуповине!» – позвала акушерка. Я больше не шипела «сиди, где сидишь», мне не было дела до этих людей в халатах, мне было всё равно, кто и с какого ракурса меня увидит. Весь остальной мир как будто расфокусировался, я смотрела на 53 сантиметра своего абсолютного счастья, которое кряхтело у меня на животе, муж смотрел на нас, на узел на пуповине и, надо сказать, довольно крепко держался на ногах.

Пока сына обрабатывали, новоиспеченный папа ходил за акушеркой по пятам, контролировал каждое ее действие, задавал вопросы, требовал ответы и заодно приложить ребенка к груди (оцените вообще уровень подготовки). А я всё не могла насмотреться на маленькие пяточки в кювезе, которые еще несколько часов назад так бойко колошматили меня изнутри.

Не было сил, совсем. Даже моргалось с трудом. *Я всегда представляла, что примерно на этом моменте буду рыдать от счастья, как показывают в кино. Но не хотелось. Грела это чувство внутри, боялась расплескать, ощущала, как оно разливается густым теплом и до краев наполняет каждую клеточку.*

Это было очень сложно. И запредельно больно. А потом меня еще целый час зашивали. Я лежала и воображала себя Рембо, как будто я тоже только что прыгнула со скалы, переломалась о деревья (по ощущениям вот прям идентично) и теперь героически штопала себя ржавой иглой.

Но знаете, оно того стоит. Абсолютно. Каждая схватка, каждая прожитая секунда боли, каждый, простите, стежок. Рембо подтвердит.

* * *

Сходите водички, что ли, попейте, нам сейчас еще раз рожать предстоит. Сначала хотела обойтись без второго акта, но как-то нечестно выходит только историю старшего явить миру – Алиса вырастет, прочитает и будет терзаться вопросом, в какой капусте мы ее нашли. Ну и плюс – второй опыт разительно отличался от первого и, как это часто с опытами бывает, оказался намного приятнее.

Приняла на грудь

Давайте, пока антракт, я вам про грудное вскармливание расскажу. Тем более это всё равно неизбежно. Рано или поздно в книге о материнстве обязан появиться пассаж про ГВ – у меня совокупный стаж почти три года, надо ж вам советов непрошенных с высоты своего опыта надавать, а то какое-нибудь равновесие в мире нарушится. Ну и потом, вы со мной рожать только что ходили, пусть уж между нами не останется больше никаких недосказанностей.

Свой ГВ-няный долг я уже давно выполнила, но тут шкаф разгребала, на меня гигантский кормительный лифчик вывалился, который я, видимо, на память сберегла – и я прям как-то ностальгически вздохнула: у меня были еиеськи волшебное было время.

«Период грудного вскармливания – поистине волшебное время», – как раз с этой фразы начиналась едва ли не каждая памятка, которую я, будучи еще новобранцем, штудировала перед своим посвящением в гевешники. Как будто в секту заманивали. Но вообще, знаете, не ввали.

Один из отчетливо-волшебных моментов – приход молока. Это когда ты уснула Киной Найтли, а проснулась Анной Семенович. Не в том смысле, что уснула утонченной голливудской актрисой, а проснулась добротной русской бабой. А в том, что уснула плоская, а проснулась с сисями. Нет, с СИСЯМИ. Помню, из роддома рассылала кругу избранных фото своих новых грудей крупным планом, эффектно вываливающихся из розовой майки, и сообщение следом: «Смотри, что у меня теперь есть!» Никогда не было, а теперь я сама себе в декольте бессовестно пялилась.

Но в пышногрудости быстро выискался подвох. Казалось бы, вот ты родила и теперь наконец можешь делать то, о чем мечтала все девять месяцев: спать на животе. Корячишься-корячишься и вдруг осознаешь, что не светит тебе твоя любимая поза человека-паука в горизонтальной проекции. Отныне твой удел – поза сфинкса. Как вы, не обделенные природой, вообще спите на этих штуках?! Это ж не распластаться никак, это ж почти в планке на локтях всю ночь стоять приходится.

Ну или вот еще волшебство. Несколько дней из первой недели своего вторичного уже материнства я пребывала в полном экстазе. Лактостазе, если быть точнее. Первый раз я была жуткой перестраховщицей – даже, помню, платочек тканевый подкладывала (бабушкин настойчивый совет с высоты ее опыта, она очень щепетильна в вопросах равновесия в мире), чтоб не надуло, и ветровку глухо на молнию под самый подбородок застегивала.

Второй раз я была уже матерая, всё знала лучше всех, поэтому какие на фиг платочки: нашла майку с самым декольтовым декольте, нарядилась и пошла. Ну потому что, блин, я иду, а они там такие плюм-плюм, плюм-плюм – завораживающее зрелище! Когда я еще с сиськами похожу? В итоге на следующий день мое декольте встало колом, и из него теперь очень эффектно торчала капуста, потыканная вилкой. А я лежала пластом с температурой под сорок, которую надо было мерить в локте, и ощущением, что меня немножко перепыхали трактором. При каждой кормежке я щедро посыпала всё вокруг искрами из глаз, фальцетом тихонечко выла «ыыыыыыыыыы» и шепотом вспоминала те прекрасные времена, когда не было ни сисек, ни проблем. Кстати, старшего я умела кормить исключительно лежа, в одной и той же позе, никакой импровизации. Младшую же и сидя, и лежа, и на ходу, и пока котлеты жарила – разве что вверх ногами не кормила. Хотя чего я вру, и вверх ногами кормила – как раз когда ею лактостаз расцеживала.

О-о-о, а эта разнокалиберность! Это уже даже не волшебство, это магия! Вот ты вроде клевая грудастая чика, а потом ребенок поел – и одним шаром можно по-прежнему в боулинге страйки выбивать, а с другой стороны ты теперь человек-пинг-понг.

Или вот, тоже из волшебного. Стоило где-то поблизости заплакать чьему-либо младенцу, у меня на молокозаводе начиналась какая-то паника: он резко запускал все линии разом и истерично начинал производить продукцию, независимо от того, твой босс орет или другого завода. Поэтому если где-то вдруг заплакал ребенок, я театрально хваталась за грудь, зажималась и пережидала, пока отхлынет.

А еще, помню, в первый раз я приготовила себе на выписку добеременные штаны: видимо, по умолчанию считала, что вместе с ребенком волшебным образом рожу и все те бесчисленные оладушки, торты и свежесдобенный хлебушек, которые так кропотливо, пласт за пластом, откладывались на мне девять месяцев кряду, и я резко вновь займею нанозад, способный влезть в эти микроскопические штаны. Но вот тут никакого волшебства не случилось – и вместе со мной, мужем и ребенком выписывался псевдобеременный живот, месяц на пятый легко тянул. А я смогла влезть только в свой пляжный сарафан – свободный настолько, что в нем всегда переодеваться удобно было. Но с опытом приходит мудрость. Второй раз на выписку я велела везти свои беременные штаны с резинкой чуть ли не до подбородка и самую свободную майку. Заправила живот, рассредоточила его там равномерно под резинкой, сверху майкой задарাপировала – и ок.

В общем, да, не ввали сектанты в своих гэвэшных мотивационных брошюрках – время-то и правда было волшебное. Так что ловите кайф и наслаждайтесь плюсами (а их минимум два, больших). Как снова пропорциональный человек-пинг-понг вам говорю.

Повторение пройденного

Про семки, фею и дедов юбилей

Спустя два года мы опять весьма продуктивно съездили в Турцию. Ну, у кого-то шуб-тур, а у нас вот. Ехали целенаправленно – там на оллинклюзиве, теплом море и лукуме уж больно хорошо дети получают.

Вернулись домой и далее по отлаженной схеме: тест, смятая в счастливых объятиях собака, варварски разбуженный муж и сунутая ему в руки неопишуемая радость с двумя полосками. Точнее нет, как раз описуемая.

В этот заход меня немного помотал токсикоз, и вареная рыба в исполнении коллеги была теперь ни при чем – на работу между декретами я так и не вышла. Парни мои выживали на пельмешках, фирменном мужнином омлете и том, чем подкармливала моя сердобольная сестра, – я в сторону кухни просто смотреть не могла. Дрейфовала, зеленая, по тем местам квартиры, где меньше пахло, зажав в кулаке корочку от апельсина (нюхала всё время, чтоб меньше тошнило), и безапелляционно засыпала везде, где садилась.

Гулять тоже было тяжело – везде, всё и все смердят, спасали только семечки, коих в токсикоз я съела центнера два. Я как гоп-мамаша на площадке была, честное слово, вечно с семками на кортах возле песочницы. Не помню, в общем, чтоб в первую беременность я так протяжно и мучительно страдала.

В тайну моего положения была посвящена только сестра (ну и муж-сын-пес). Родителям во избежание сердечных приступов решили пока не говорить. Сообщили на дедов юбилей, подарив ему снимок с УЗИ. Ровно три года назад мы дарили ему то же самое, только тогда на фото был семинедельный Тёмыч в виде горошины, а в этот уже 12-недельный человек с руками, ногами и курносый носом. Дед, вытащив подарок из конверта, выдал какой-то не совсем здоровый смех, мама схватила за сердце и сказала, что в Турцию больше нас одних не пустит. Сестра же просто похвалила, мол, молодцы какие, не заморачиваются и дарят деду один и тот же подарок, сделанный своими руками. Перед «руками» запнулась, правда, почему-то. Ну и обниматься все срочно полезли – обрадовались, конечно, даже сквозь шок.

На УЗИ в двенадцать недель врач не признался, кто там на этот раз, сохранил интригу. «Не уверен, – говорит, – поэтому пока не скажу». Мне же было как будто всё равно – мальчик или девочка. Двадцатинедельное УЗИ назначил на тридцатое декабря, я так его ждала – даже забыла, что на следующий день Новый год. Врач все рассказал-показал и как бы между делом: «Ну то, что девочка, вы уже знаете...»

Девочка.

ДЕВОЧКА.

Я в этот момент куда-то в параллельную реальность, кажется, унеслась. Подождите, но мне же как будто всё равно, мальчик или девочка! Однако именно сейчас поняла, насколько сильно я, оказывается, хотела дочку. Когда встала с кушетки, муж спросил: «Что с тобой?» Глянула в зеркало – а у меня лицо пунцовое, щеки горят, улыбаюсь, аж рот сводит, и каким-то странным блаженным голосом повторяю: «Де-е-евочка. Представляешь, де-е-евочка».

Недели шли, муж, провозгласив мой живот автономией, звал его Алиской, отдельно от всей остальной Насти. Тёма ждал сестренку, а точнее, обещанные подарки от нее, периодически делая дозаказ мне в пупок, угощал ее через пузо всякими вкусняшками и немного огорчался, что она не ест. Я же мела всё подряд, наседая то на помидоры (хотя я всю жизнь по огурцам), то на селедку и один раз на собачий корм (не спрашивайте). Дверные проемы становились всё уже, зад отрастал пропорционально животу. Короче, кругом гармония.

Про врача, акушерку и распрекрасный роддом

Недель в тридцать начала задумываться, как, где и с кем рожать. Первые роды прошли через *опу – не в прямом, слава богу, смысле, – и теперь хотелось сделать работу над ошибками, чтобы вторые стали если не идеальными, то где-то близко. Поэтому я себе придумала, что буду рожать непременно по контракту с лучшим врачом, личной акушеркой, мужем на всякий случай и, естественно, в самом распрекрасном роддоме. И на курсы какие-нибудь подробные обязательно схожу. Из всего списка в наличии пока имелся только муж, но, считай, начало положено.

С курсами как-то сразу не задалось. То далеко, то очень часто ездить, а старшего девать некуда, то слишком длинная программа, и я не успевала до родов, то слишком короткая, и смысла нет – поверхностно я и сама знаю. Нашла одни подходящие, но беременный мозг устроил саботаж и благополучно мной о них забыл, пропустила начало записи, а потом уже не взяли.

Следующей отвалилась акушерка. В присмотренные мной роддома со своей оказалось нельзя. Как будто я в бар пить иду, а не в роддом рожать, честное слово. А потом и вовсе выяснилось, что у акушерки «со стороны» гораздо меньше полномочий и толку от них зачастую тоже меньше, чем я себе нарисовала. Пара роддомов предлагала своих акушерок в ассортименте за отдельную плату, но стоило это всё, как будто помимо них у меня на роды Филипп Киркоров с гастрольями заявлен. Ладно, обойдемся.

Дальше я долго и нудно кушала чайной ложечкой мозг себе, мужу и опять себе на тему «Ну где же мне рожать». Не буду тридцать лет и три года водить вас по лабиринтам моих беременных мыслей, пройдем сразу к выходу. Выбор самого распрекрасного роддома свелся к двум не самым, прямо скажем, распрекрасным: тот, в котором рожала Тёму, и неизвестный мне ранее перинатальный центр в Подмосковье – его я даже не то чтобы рассматривала, просто имела в сознании, потому что кто-то советовал и ехать недалеко.

Врач, которая мне больше всех приглянулась в первом, очень не вовремя уходила в отпуск. Вместо нее посоветовали дядечку, по отзывам хорош и почему-то стоил дешевле. Но у него усы такие – я как представляла, что эти усища каждый раз из моих промежног выныривать будут, сразу ржать начинала. Да и руки, говорят, большие, а как по мне, у гинекологов и стоматологов ручки должны быть миниатюрные, дабы не добавлять остроты ощущениям.

Позвонила в подмосковный. На телефоне контрактников сидела очень неприятная дама, зато озвучила очень приятную цену. Настолько, что я практически без колебаний резко склонилась в сторону этого роддома – разве что запись «г. Видное, МО» в будущей графе «Место рождения» вдруг стала немного смущать. Но, согласитесь, неприлично на эту тему заморачиваться человеку, у которого самого в паспорте значится «г. Дакка, Народная Республика Бангладеш».

Итак мой суперсписок как-то совсем съезжился и закольцевался на «Ютьюбе» вместо курсов, мужа вместо личной акушерки и подмосковном роддоме. В 36 недель поехали заключать контракт и знакомиться с врачом. Меня заранее предупреждали, что врач молодой, выглядит еще моложе, но прям профессионал. Когда он появился в дверях, у нас с мужем все равно самопроизвольно отвисли челюсти – ну правда, мальчик-мальчик. Муж даже незаметно тихонечко на ухо мне шепнул: «Надеюсь, – говорит, – он хотя бы школу окончил». Но впечатление доктор П. А. произвел очень приятное – спокойный такой, вселил уверенность, что всё пройдет лучше некуда. Ну и ручки, ручки миниатюрные!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.